108 4/55
18109

...утешествіе
ВЪ БУХАРУ
РУССКОЙ МИССІИ
въ 1870 году.

съ подробнымъ маршрутомъ отъ ташкента до бухары.

Л. Ф. Костенко.

КНИГОПРОДАВЦЫ ПО ЛИН. ЖЕЛ. ДОР.
ПЛОТНИКОВЪ
751
И КЛЕЙНЪ
ГЛАВНАГО ОБЩЕСТВА И ДР.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Моригеровскаго, Троицкій переулокъ, домъ Гассе.
1871.

1084 4/55

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ БУХАРУ

РУССКОЙ МИССІИ

ВЪ 1870 ГОДУ.

СЪ МАРШРУТОМЪ ОТЪ ТАШКЕНТА ДО БУХАРЫ.

Л. Ѳ. Костенка.

1084 4
55

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Бортневскаго.
1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 марта 1871 года.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 315809
„.....“ ..... 193 г.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ БУХАРУ

РУССКОЙ МИССІИ

ВЪ 1870 ГОДУ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ БУХАРУ

РУССКОЙ МИССІИ

ВЪ 1870 ГОДУ.

I.

ОТЪ ТАШКЕНТА ДО САМАРКАНДА.

Назначеніе миссіи въ Бухару.—Цѣль миссіи.—Предстоявшія трудности въ достиженіи цѣли.—Отъ Ташкента до Чиназа.—Почтовыя станціи на чиназо-ташкентскомъ трактѣ.—Свойство дороги.—Мѣстность, по которой пролегаетъ дорога.—Зачирчикскій край.—Укрѣпленіе Новый Чиназъ.—Переправа черезъ Сыръ-Дарью. — Вторая станція отъ Чиназа.—Картина голодной степи.—Обитатели голодной степи.—Старинныя зданія въ степи.—Отъ Джизака до Самарканда.

Въ отвѣтъ на посольство бухарское, которое, въ теченіи 1869 — 1870 года, было въ Ташкентѣ и С.-Петербургѣ, туркестанскій генералъ-губернаторъ фонъ-Кауфманъ 1, въ апрѣлѣ 1870 года, снарядилъ русскую миссію въ Бухару. Главою миссіи избранъ былъ полковникъ С. И. Носовичъ, заслужившій всеобщее

вниманіе знаніемъ характера туземцевъ и умѣніемъ обращаться съ ними. Членами миссіи назначены были пять человѣкъ офицеровъ и чиновниковъ, въ числѣ которыхъ находился и авторъ этихъ строкъ. Миссію долженъ былъ сопровождать конвой въ 50 казаковъ. Главная цѣль миссіи состояла въ заявленіи дружбы туркестанскаго генералъ-губернатора бухарскому эмиру и упроченіе политическихъ и торговыхъ связей съ Бухарою.

До 1870 года, въ теченіи XIX столѣтія, въ Бухару были посылаемы четыре миссіи, а именно: первая въ 1819 — 1820 гг. (Негри и Мейендорфъ); вторая въ 1841 году (Бутеневъ, Леманъ и Ханыковъ); третья въ 1859 году (Игнатьевъ) и четвертая въ 1865—1866 гг. (Струве и Глуховской). Неблагопріятный исходъ переговоровъ всѣхъ этихъ миссій указывалъ на трудность веденія какихъ-бы то ни было дипломатическихъ сношеній съ Бухарою.

Особенно памятна была судьба миссіи 1865—1866 годовъ, которая изъ дипломатической обратилась въ плѣнную: миссія эта просидѣла въ неволѣ семь мѣсяцевъ и едва освободилась изъ рукъ варварскаго правительства.

Къ довершенію предстоявшихъ затрудненій, разнесся слухъ, что въ Бухару прибыло изъ Кабула афганское посольство, въ средѣ котораго будто находились даже англійскіе коммисары.

Различіе условій, въ которыхъ находилось бухарское правительство прежде и теперь, давало нѣкоторое право надѣяться если не на благопріятный исходъ переговоровъ, то, по крайней мѣрѣ, на личную безопасность членовъ миссіи.

Но и эта безопасность была лишь относительная, потому что ни на послѣдовательность политики Бухарцевъ, ни на дружбу ихъ никогда разсчитывать нельзя. Все это заранѣе опредѣляло трудность дѣла, предстоявшаго миссіи, въ средѣ хотя и укрощенной, но все-таки несбузданной Бухары, для которой понятія о международныхъ правахъ совершенно чужды и невѣдомы.

Сборнымъ пунктомъ для членовъ миссіи былъ назначенъ Самаркандъ, откуда предполагалось двигаться совокупно.

Въ Самаркандъ я выѣхалъ изъ Ташкента 1-го мая, по почтовой дорогѣ черезъ Чиназъ.

Дорога отъ Ташкента до Чиназа пріятно удивила меня, какъ, думаю, не менѣе пріятно удивляетъ всякаго, проѣзжающаго по этой дорогѣ теперь и проѣзжавшаго по ней за нѣсколько мѣсяцевъ прежде. За исключеніемъ почтовой станціи въ Ташкентѣ, всѣ остальныя, до Чиназа включительно, содержатся весьма добросовѣстно, и почтовая гоньба почти во всемъ напоминаетъ европейскую Россію. На почтовыхъ станціяхъ устроены болѣе или менѣе приличные домики,

въ которыхъ проѣзжающій можетъ отдохнуть удобно; лошади содержатся въ достаточномъ количествѣ, хорошо съѣжаны, не измучены и везутъ васъ со скоростію 10—12 верстъ въ часъ. Ямщики на станціяхъ или русскіе, или татары, говорящіе по-русски и даже умѣющіе править лошадьми. Сбруя исправна, во время ѣзды не рвется, какъ это бывало весьма нерѣдко прежде. Заведены даже колокольчики, которые еще болѣе переносятъ ѣдущаго въ Россію. Наконецъ, неимѣющіе своего экипажа располагаютъ на каждой станціи двумя русскими телѣгами и одною туземною арбою. Недостаетъ только прочныхъ мостиковъ черезъ арыки, то и дѣло перерѣзывающіе путь повсемѣстно въ средней Азіи, и нѣтъ еще верстовыхъ столбовъ по дорогѣ; но это уже роскошь, о которой покуда даже и думать не дозволяется.

Что касается до полотна дороги, то и оно, въ эту пору года, было весьма удовлетворительно, исключая участка въ пять верстъ предъ Чиназомъ, между этимъ укрѣпленіемъ и мѣстечкомъ Старый Чиназъ, гдѣ уже образовались порядочныя выбоины. Къ концу лѣта, говорятъ, такія же выбоины образуются и на всемъ протяженіи чиназо-ташкентскаго тракта. Слѣдуетъ упомянуть также о пыли, которая густыми клубами врывается въ экипажъ.

Впрочемъ, выбоины и пыль не представляютъ диковинки для русскаго путешественника, достаточно ос-

воившагося съ ними внутри Россіи. Осенью эта дорога, какъ и вообще всѣ средне-азіятскія дороги, дѣлается крайне грязною, и всѣ ухищренія, предпринятыя съ цѣлью устранить этотъ огромный недостатокъ, до сихъ поръ оказываются тщетными.

Дорога все время идетъ правымъ берегомъ быстраго Чирчика, который, извиваясь и разбиваясь на рукава, то подбѣгаетъ къ самой дорогѣ, то удаляется отъ нея. Мѣстность вообще ровная; особенно крутыхъ подъемовъ и спусковъ нѣтъ. Изъ Ташкента дорога сперва идетъ садами, которые почти непрерывно тянутся верстъ на 20, затѣмъ проходитъ по открытой мѣстности, и только подъѣзжая къ Чиназу, верстъ за 10, снова появляются сады.

Проходя нагорнымъ берегомъ Чирчика, чиназо-ташкентская дорога пролегаетъ по мѣстности, неотличающейся большою населенностью и культурою. Деревни и деревушки густою сѣтью раскинулись на лѣвомъ берегу Чирчика, между этою рѣкою и Ангреномъ. Легкость проведенія арыковъ (оросительныхъ канавъ) дѣлаетъ всю эту страну, носящую названіе *Зачирчикскаго края*, весьма плодородною, производящею въ изобиліи пшеницу и рисъ и слывущею за житницу Ташкента и всей Сыръ-Дарьинской области. Укрѣпленіе Чиназъ или, какъ его официально называютъ, „Новый Чиназъ“, лежитъ на правомъ берегу Чирчика, при сліяніи его съ Сыромъ.

При сооруженіи этого укрѣпленія имѣлось въ виду, съ одной стороны, держать въ своихъ рукахъ переправу черезъ многоводную и главную рѣку средней Азіи, а съ другой, устроивъ здѣсь портъ, или, по крайней мѣрѣ, пристань для пароходовъ аральской флотиліи, извлечь возможно-большую пользу отъ пароходства на этой рѣкѣ.

Мѣстоположеніе укрѣпленія въ высшей степени безотрадное: кругомъ разстилается открытая равнина, обнаженная отъ всякой растительности, безпощадно пропекаемая лѣтнимъ солнцемъ и незащищенная отъ холодныхъ зимнихъ вѣтровъ.

Печальному виду мѣстоположенія отвѣчаетъ вполнѣ унылый видъ построекъ—сѣренькихъ, низенькихъ, какъ бы придавленныхъ.

Новый Чиназъ состоитъ изъ двухъ частей: укрѣпленія, занимающаго уголъ, образуемый сліяніемъ Чирчика съ Сыромъ, и слободки, прислонившейся къ Сыръ-Дарьѣ и отдѣленной отъ укрѣпленія эспланадою саженъ въ 200 ширины.

Укрѣпленіе состоитъ изъ длинной стѣны, туземнаго способа постройки, съ зубцами. Стѣна, вслѣдствіе чрезмѣрной рыхлости грунта, несмотря на недавнее сооруженіе, уже осыпается; кромѣ того, протяженіе ея далеко несоразмѣрно съ числительностью гарнизона. Гарнизонъ укрѣпленія составляетъ одинъ изъ туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ, размѣщенный въ

казармахъ, лучшее украшеніе которыхъ—садики, разведенные между постройками.

Въ слободкѣ садиковъ нѣтъ, такъ какъ она населена русскимъ промысловымъ людомъ, по большей части кабачниками *), слѣдовательно, неимѣющими времени заниматься такимъ дѣломъ, какъ разведеніе садовъ.

Сколько-нибудь большихъ капиталовъ въ Чиназѣ не имѣется: здѣшнее населеніе—мелкіе торгаши, стремящіеся эксплуатировать и своихъ, и туземцевъ. Чтобы умѣрить подобную эксплуатацію, мѣстное управленіе устроило здѣсь рядъ лавочекъ для туземцевъ. Хотя эти лавочки и составляютъ главную улицу слободки, но онѣ стоятъ по большей части пустыми и наполняются лишь разъ въ недѣлю, въ базарный день (по понедѣльникамъ), когда наѣзжаютъ сюда туземные купцы изъ сосѣднихъ деревень (особенно изъ Стараго Чиназа) и изъ ауловъ, съ мелкимъ товаромъ, который и продается какъ русскимъ солдатамъ, такъ и кочевникамъ-киргизамъ, приходящимъ изъ-за Сыръ-Дарьи.

Главнѣйшіе продукты торга: клеверъ (который покупаютъ казачьи сотни, расположенныя въ Чиназѣ), мука, крупа, кошмы (войлоки) и другіе предметы, существенно необходимые.

---

*) Здѣсь что ни домъ, то кабакъ.

Значеніе Новаго Чиназа, безспорно, должно увеличиться, въ настоящее время, съ учрежденіемъ почтоваго тракта изъ Ташкента въ Самаркандъ.

Проживъ въ Чиназѣ три дня, я поспѣшилъ выбраться оттуда, боясь быть задержаннымъ на неопредѣленное время, вслѣдствіе проѣзда афганскаго хана (изъ Ташкента въ Самаркандъ).

Верстахъ въ двухъ отъ города, внизъ по р. Сыру, предстоитъ переправа черезъ эту рѣку. Ширина рѣки, на мѣстѣ переправы, около 250 саженъ. Переправа находится въ рукахъ ташкентскаго негоціянта Шарофея, который платитъ правительству около десяти съ съ половиною тысячъ рублей въ годъ. Переправляются-же на довольно помѣстительномъ желѣзномъ паромѣ, принадлежащемъ аральской флотиліи.

Перебравшись на лѣвый берегъ Сыра, я очутился, въ такъ-называемой „Голодной Степи“. До второй станціи дорога идетъ по мѣстности, частію болотистой, покрытой камышемъ и осокою, частію кочковатой; эта дорога не весьма удобна даже и въ маѣ, по причинѣ тѣхъ неровностей и выбоинъ, которыя характеризуютъ ее въ сухое время, и отъ чрезмѣрной вязкости грунта и сильной грязи, появляющихся въ ненастное время.

Вторая станція отъ Чиназа расположена у шести колодцевъ, которые всѣ имѣютъ воду горькую и къ употребленію негодную. Люди, живущіе на станціи,

достаютъ для себя прѣсную воду изъ колодца, расположеннаго въ двухъ верстахъ отъ станціи.

Оставляя эту станцію, я былъ пораженъ зрѣлищемъ разстилавшейся передо мною равнины: я увидѣлъ необозримую степь, гладкую, какъ поверхность моря въ тихую погоду.

Если альпійскія страны, гдѣ путникъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ преграду и опасность, представляютъ невыразимую прелесть и очарованіе, то не менѣе прелести и очарованія являетъ степная, безграничная мѣстность, гдѣ такъ гладко, что хоть шаромъ покати,—мѣстность, о которой русскій умъ сложилъ поговорку: „тишь да глядь, да Божья благодать“. Но какъ пріятно въ гористой странѣ путешествовать пѣшкомъ и съ посохомъ въ рукахъ, такъ, наоборотъ, здѣсь путешествіе можетъ быть пріятнымъ лишь тогда, когда быстро несешься или верхомъ на лошади, или въ экипажѣ, на лихой тройкѣ. Прекрасно содержимыя станціи въ Голодной степи вполнѣ удовлетворяютъ этому условію.

Русскія тройки быстро проносятся по степи, гдѣ, въ прежнее время, тащились, какъ черепахи, одни верблюжьи транспорты.

Я мчался десятки верстъ, не видя передъ собою ничего, кромѣ земли и лазуревaго неба, которое, огромнымъ куполомъ, высилось надъ головою. Выраженіе: „чистое поле“ какъ нельзя болѣе идетъ къ Голодной

степи; несмотря на то, что было только начало мая, трава уже вся выгорѣла и поверхность мѣстами была голая, какъ ладонь, только кое-гдѣ показывался еще неуспѣвшій засохнуть и сгорѣть бурьянъ.

Кашгаръ-даванскій хребетъ начинаетъ виднѣться на горизонтѣ послѣ третьей станціи, Мурза-Рабатъ. Несмотря на скудость, почти отсутствіе растительности, степь однако не безжизненна: она имѣетъ своихъ обитателей. Сюда относятся миріады фалангъ, скорпіоновъ, тарантулъ и другихъ ползающихъ насѣкомыхъ; затѣмъ ее населяютъ черепахи, которыя иногда появляются въ такомъ изобиліи, что то и дѣло попадаютъ подъ ноги лошади или подъ колеса экипажа. Птицъ также довольно: то стая дикихъ голубей пролетитъ надъ головою, то юркнетъ въ сторону испуганная куропатка, то бѣлоголовый беркутъ спустится надъ павшею отъ безкормицы лошадью или верблюдомъ. Если, при путешествіи по европейской Россіи, время отъ времени встрѣчается по дорогѣ падаль, то въ Азіи скелеты животныхъ могутъ служить, до нѣкоторой степени, указателями пути.

Любуясь степью, я старался анализировать то пріятное чувство, которое она возбуждала. Казалось бы, что однообразіе — синонимъ скуки и утомленія, а между тѣмъ однообразіе степи веселило меня.

Обаяніе степи истекаетъ изъ двухъ источниковъ: во первыхъ — вслѣдствіе ея единообразія, и во вто-

рыхъ — отъ внушаемаго ею довѣрія и безопасности. Не всякое единообразіе утомительно: чистая, ровная, тягучая нота на скрипкѣ, безконечная даль лазуреваго неба, безбрежная синь спокойнаго моря, ровная зелень обширнаго луга — безспорно прекрасны. Чистота звука, чистота цвѣта, чистота и ровность поверхности—совершенно объясняютъ прелесть и гармонію чистаго поля. Степь очаровываетъ также и тѣмъ, что вселяетъ въ человѣка надежду на безопасность. Въ то время, какъ въ странахъ гористыхъ человѣкъ долженъ быть постоянно на-сторожѣ, вниманіе его каждую минуту возбуждено, силы напряжены—въ степяхъ имъ овладѣваетъ полное спокойствіе и безпечность. Русскій характеръ „на-авось“ могъ выработаться только на равнинахъ. Подозрительный, осторожный, чуткій характеръ кавказца могъ сформироваться только въ горахъ. Житель равнины всегда простодушенъ и чистосердеченъ; горецъ всегда хитеръ и лукавъ; зато послѣдній болѣе храбръ и независимъ.

Все сказанное о характерѣ степныхъ жителей относится и къ тѣмъ кочевникамъ, которые населяютъ Голодную степь по ея окраинамъ, придерживаясь либо Сыръ-Дарьи, либо источниковъ, выходящихъ изъ Кашгаръ-даванскаго и Нуратынскаго хребтовъ, окаймляющихъ степь съ юга. Киргизы и узбеки, живущіе здѣсь, отличаются дѣтски-наивнымъ простодушіемъ и открытымъ нравомъ. Никакихъ воинскихъ наклонностей они

не проявляютъ, и хищничество имъ совершенно чуждо. Да и вообще вся степь не носитъ на себѣ никакого слѣда, который указывалъ бы на сооруженія, имѣющія воинскій характеръ. По крайней мѣрѣ, на протяженіи 130 верстъ, отъ Чиназа до Джизака, нѣтъ ни одной крѣпости, ни одного укрѣпленія, наоборотъ: путешественника пріятно поражаютъ встрѣчаемыя по дорогѣ старинныя постройки изъ обожженнаго кирпича, которыя, очевидно, предназначались для удобнаго слѣдованія по степи торговыхъ каравановъ. Первое такое зданіе встрѣчается верстахъ въ 40 отъ Чиназа; второе—на станціи Мурза-Рабатъ, гдѣ, кромѣ того, есть еще и другое, гораздо большее зданіе, и, наконецъ, третье—на станціи Агачты, въ 35 верстахъ отъ Джизака. Всѣ эти зданія (кромѣ большого мурза-рабатскаго) снаружи имѣютъ видъ полушарнаго свода, съ семью стрѣльчатыми окнами, основанія которыхъ касаются самой поверхности земли. Зданія возвышаются надъ гаризонтомъ около двухъ саженъ и около же двухъ саженъ углубляются въ землю, такъ что извнутри они походятъ на башни, имѣющія въ діаметрѣ 18 шаговъ. Толщина стѣнъ до $1\frac{1}{2}$ аршина; спускъ во внутренность башни также вымощенъ камнемъ, притомъ онъ не прямой, но идетъ подъ угломъ. Въ мурза-рабатской и агачтынской башняхъ вырыты колодцы съ прѣсною водою. Замѣчательно въ этихъ башняхъ то, что своды ихъ незамкнуты, но имѣютъ отверстіе,

около двухъ аршинъ въ діаметрѣ. Башни называются „сардабами“, что въ переводѣ съ персидскаго означаетъ: „крышка холодной воды“. Этимъ названіемъ объясняется и назначеніе башенъ: онѣ служили водохранилищами, защищавшими воду отъ испаренія и согрѣванія; вода же проводилась сюда изъ арыковъ (канавъ), нѣкогда (въ половинѣ XVI столѣтія) орошавшихъ Голодную степь. Теперь арыки совершенно заглохли, и колодцы въ башняхъ вырыты уже русскими.

На третьей станціи отъ Чиназа, какъ я уже сказалъ, кромѣ башни или сардаба, находится еще зданіе большого караванъ-сарая. Этотъ послѣдній выстроенъ весь надъ поверхностью земли, въ видѣ правильнаго четыреугольника; зданіе имѣетъ кругомъ открытую галерею, своды которой поддерживаются арками. Своды и здѣсь незамкнуты, но имѣютъ небольшія отверстія.

Кирпичъ, изъ котораго сложены всѣ описанныя мною строенія, отличается чрезвычайною доброкачественностью. Удивительно, какимъ образомъ туземцы умѣли такъ хорошо выжигать кирпичъ прежде и почему не умѣютъ фабриковать его теперь.

Вообще Голодная степь, какъ и вся средняя Азія, представляетъ слѣды существованія здѣсь нѣкогда болѣе могучей жизни. Въ степи и понынѣ видны признаки оросительныхъ канавъ, тянувшихся на 100 и

болѣе верстъ. Теперь обширныя пространства пустыни остаются незаселенными, за недостаткомъ воды.

Дать воду степи — значитъ дать ей жизнь. Вотъ почему администрація Туркестанскаго края серьезно занята мыслью о способахъ орошенія Голодной степи. Но произведенныя изслѣдованія еще не привели пока ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Отъ Джизака характеръ мѣстности совершенно измѣняется: верстахъ въ трехъ отъ этого города, у русскаго поселенія, именуемаго „Ключевымъ", начинается джелакъ-утинское ущелье, которое тянется верстъ на двадцать. Это ущелье и вообще дорога отъ Джизака до Самарканда не имѣла для меня, равно какъ не имѣетъ и для читателя, характера новизны, почему описывать ее подробно не стану.

Въ Самаркандъ я пріѣхалъ 6-го мая.

II.

Самаркандъ.

Внѣшній видъ Самарканда. — Больница и школа, устроенныя русскими для туземцевъ. — Еврейскій кварталъ. — Статистическія данныя о Самаркандѣ: азіятскомъ (туземномъ) и русскомъ. — Окрестности Самарканда. — Вечеръ у самаркандскаго казы.

Самаркандъ я встрѣтилъ, какъ стараго знакомаго, который, надобно отдать ему справедливость, похорошелъ въ теченіе полутора года, съ тѣхъ поръ, когда я увидѣлъ его въ первый разъ. Городъ совершенно обновленъ. Главныя улицы проложены за-ново; онѣ сдѣланы прямыми, ровными, широкими, въ противоположность прежнимъ — узкимъ, кривымъ и неровнымъ. Площади разчищены; старинныя зданія, — памятники минувшей эпохи, кое-гдѣ поисправлены стараніями русскихъ властей и будутъ поддерживаться и впередъ. Цитадель и русскія постройки внутри ея также приведены въ порядокъ.

Въ числѣ полезныхъ учрежденій, основанныхъ русскими въ Самаркандѣ, слѣдуетъ упомянуть о больницѣ и школѣ для туземцевъ. Больница устроена въ одной

изъ бывшихъ медресе и открыта въ мартѣ нынѣшняго года. Она находится въ азіятскомъ городѣ, вблизи цитадели. Зданіе весьма хорошее и вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію. Оно расположено въ видѣ четыреугольника, съ такимъ же дворомъ внутри; посреди двора выкопанъ довольно большой прудъ, осѣненный деревьями; комнаты для больныхъ, числомъ 22, расположены въ рядъ, такимъ образомъ, что въ каждой палатѣ могутъ свободно помѣститься два человѣка. Свѣтлый и чистый коридоръ проходитъ вдоль комнатъ. Больница содержится на городскія суммы; при ней живутъ два фельдшера и одинъ надзиратель. Русскій медикъ навѣщаетъ больныхъ ежедневно. Сарты сперва неохотно поступали въ больницу, устроенную кафирами (невѣрными), но теперь начинаютъ постепенно сознавать всю ея пользу.

Школа устроена также въ азіятскомъ городѣ; въ ней обучаетъ учитель, хорошо знающій и русскій, и туземный языки. Въ школѣ учится пока еще только 11 человѣкъ, но, со временемъ, можно разсчитывать, что ихъ будетъ гораздо больше. Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать успѣха дѣлу обученія туземныхъ мальчиковъ русской грамотѣ.

Каждый русскій, пріѣзжающій въ Самаркандъ, считаетъ долгомъ посѣтить еврейскій кварталъ, въ виду той пріязни, какая установилась между освобожденными евреями и ихъ освободителями—русскими. Этотъ

уголокъ Самарканда производитъ на русскаго трогательное впечатлѣніе тѣмъ, что его встрѣчаютъ здѣсь съ живѣйшимъ чувствомъ радости. Обстановка жизни самаркандскихъ евреевъ не на столько грязна, какъ это можно было бы предполагать по сравненію съ нашими западными евреями. Здѣсь, напротивъ, евреи живутъ даже чище сравнительно съ мусульманскимъ населеніемъ.

Я посѣтилъ еврейскаго старшину, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главное духовное лицо—„калентаръ“, что отвѣчаетъ извѣстному въ европейской Россіи слову „раввинъ“. Затѣмъ я отправился осматривать еврейскую синагогу, которая здѣсь именуется „кинеса“. Въ одномъ дворѣ расположены двѣ синаноги, отличающіяся простотою постройки и чистотою, въ какой онѣ содержатся. Тутъ же и школа для мальчиковъ.

Еврейское населеніе отличается весьма красивымъ типомъ. Еврейки ходятъ въ своемъ кварталѣ съ открытомъ лицомъ; онѣ закрываются волосяною сѣткою только въ томъ случаѣ, когда вступаютъ въ мусульманскую часть города.

Особенность костюма здѣшнихъ еврейскихъ женщинъ составляютъ серьги, вдѣтыя не въ уши, а въ носъ. Еврея еще издали можно узнать по длиннымъ, чернымъ пейсамъ, которыя съ висковъ, локонами, спадаютъ до плечъ. Остальные волосы на головѣ они

сбриваютъ. Евреи носятъ тюбетейку и островерхую шапку, но чалма имъ строго воспрещена кораномъ.

Городъ Самаркандъ, какъ и всѣ недавно занятые большіе города средней Азіи, состоитъ изъ двухъ главныхъ частей, существенно различныхъ: туземнаго города и русскаго. Послѣдній возникъ въ стѣнахъ самаркандской цитадели, откуда начинаетъ, впрочемъ, распространяться, уже не стѣсняясь крѣпостною оградою.

Статистическія свѣденія о Самаркандѣ, какъ туземномъ, такъ и русскомъ, вѣрнѣе всего охарактеризуютъ значеніе того и другого.

Въ азіятскомъ Самаркандѣ считается 6,000 домовъ; полагая на каждый домъ по пяти человѣкъ, получимъ все населеніе Самарканда въ 30,000 душъ. Городъ раздѣляется на кварталы или приходы (махали), которые называются именами своихъ мечетей. Мечети же именуются или по имени строителя, или по имени святаго, которому посвящены. Мечетей внутри городской черты 70; въ форштадтахъ и садахъ, прилегающихъ къ городской стѣнѣ—61, на кладбищахъ и при школахъ—24; итого 165 мечетей. Медресе или высшихъ училищъ 24; въ нихъ живетъ (въ келіяхъ) 938 учениковъ; во время бухарскаго владычества эта цифра была, по крайней мѣрѣ, втрое больше. Кромѣ учениковъ, живущихъ при медресе, значительное число ихъ приходитъ туда для слушанія лекцій.

Караванъ-сараевъ въ городѣ 33, изъ числа которыхъ 9 индійскихъ. Караванъ-сараи суть крытыя зданія для оптоваго склада товаровъ; здѣсь устраиваются и лавки для товаровъ, и комнаты для купцовъ. Количество лавокъ различное: оно мѣняется отъ 5 до 63 лавокъ; во всѣхъ же караванъ-сараяхъ—712 лавокъ. Кромѣ караванъ-сараевъ, есть еще *тимы*, отличающіеся отъ караванъ-сараевъ, во-первыхъ, тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ помѣщеній для купцовъ, а во-вторыхъ, вмѣсто лавокъ и комнатъ, вдоль стѣнъ крытаго двора установлены шкапы и прилавки, съ которыхъ и торгуютъ разныя лица. Тимы—это нѣчто въ родѣ нашихъ краснорядскихъ линій въ гостиныхъ дворахъ. Такихъ тимовъ въ Самаркандѣ два, съ 290 шканами въ обоихъ.

Базарныхъ помѣщеній 19; въ нихъ устроены или лавки, или навѣсы, или вѣсы, съ которыхъ производится продажа продуктовъ. Такихъ лавокъ, навѣсовъ и вѣсовъ — 442.

Затѣмъ слѣдуютъ лавки, расположенныя рядами. Количество этихъ лавокъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Мелочныхъ, съ продажею разныхъ продуктовъ	444
Желѣзныхъ	37
Мѣдныхъ	20
Съ глиняною посудою	28

— конской сбруей	29
Мясныхъ	130
Съ деревянною посудой . . .	5
— русскимъ чаемъ	50
Ножевыхъ	10
Съ алебастромъ и известью . .	5 и 6
— чайной посудой	4
— мужской и женской обувью .	13
— кетменями (землекопными инструментами)	8
— чугунными котлами . . .	15
— размотаннымъ шелкомъ . .	15
— красками	30
— нагайками	2
— тростниковыми (камышевыми) плетенками	10
— бязью подкладочною . . .	100
— солью	24
— пуховыми чалмами и кушаками	34
— бязью рубашечною	37
ситцемъ	29
Итого лавокъ . . .	1,085

Присоединивъ къ этой цифрѣ количество лавокъ въ караванъ-сараяхъ, тимахъ и базарахъ, получится общій итогъ всѣхъ лавокъ въ 2,414.

Количества капиталовъ, обращающихся на самаркандскомъ рынкѣ, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, хотя бы и приблизительно.

Заводовъ въ Самаркандѣ имѣется:

Чугунно-литейныхъ	12
Кирпиче-обжигательныхъ . . .	4
Сально-свѣчныхъ и мыловаренныхъ	34
Кожевенныхъ	30
Мельницъ мукомольныхъ . . .	2

Кромѣ мельницъ, гдѣ примѣненъ водяной двигатель, на всѣхъ заводахъ работа производится ручнымъ способомъ.

Ручнымъ же способомъ производится приготовленіе различныхъ предметовъ въ мастерскихъ и ремесленныхъ заведеніяхъ, число которыхъ простирается до 1,610 и распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Шелкомотальныхъ (гдѣ работаетъ одинъ, два и не болѣе трехъ человѣкъ)	15
Кузнечныхъ	17
Хлѣбопекарень	33
Маслобоень для кунжутнаго сѣмени	23
Плотничныхъ	42
Токарныхъ и столярныхъ . . .	11
Приготовительныхъ ткацкихъ станковъ	7

Красильнъ 42
Издѣлій мужской и женской обуви 162
Сѣдельныхъ 25
Золотыхъ и серебряныхъ издѣлій 23
Мастерскихъ для приготовленія сѣделъ верблюжьихъ и ишачьихъ 38
Арбяныхъ 23
Волосяныхъ веревокъ 17
Мастерскихъ красильныхъ по дереву 15
Цирюлень 20
Гончарнаго производства . . . 37
Деревянныхъ гребней 7
Кальяновъ 8
Портняжныхъ 20
Приготовленія шубъ 6
Конфектныхъ 7
Поджариванія гороха 8
Приготовленія чая для розничной продажи 30
Продажи плова и пильменей . . 100
Приготовленія кукнара (одуряющее вещество изъ маковыхъ головокъ) 2
Заведеній, гдѣ приготовляютъ ни-

ченки (челноки) для тканія матерій	2
Мастерскихъ для приготовленія алачи (бумажная ткань) . . .	449
Мастерскихъ для приготовленія маты (некрашеная бумажная ткань)	188
Мастерскихъ для приготовленія выбойки (чить)	20
Мастерскихъ для приготовленія канауса	7
Мастерскихъ для приготовленія каламы (полосатая бязь) . .	17
Мастерскихъ для приготовленія бумажныхъ кушаковъ синихъ .	16
Мастерскихъ для приготовленія пуховыхъ чалмъ и кушаковъ.	82
Лощильныхъ *)	4
Мастерскихъ для приготовленія адряса (основа бумажная, утокъ шелковый)	27
Мастерскихъ шелковыхъ платьевъ	3

*) Лощеніе производится разбиваніемъ бумажной ткани посредствомъ деревяннаго молота.

Мастерскихъ мѣдныхъ издѣлій .	6
Рубашечная мата фабрикуется женщинами повсюду на домахъ.	
Всѣхъ мастерскихъ и ремесленныхъ заведеній	1,610

Въ русскомъ Самаркандѣ насчитывается, въ настоящее время, 158 домовъ; кромѣ того, здѣсь 9 лавокъ, 7 ренсковыхъ погребовъ, 22 питейныхъ дома, 2 гостинницы, 18 бань, 1 церковь и 1 клубъ. Русскихъ заводовъ только два—винныхъ.

Русское населеніе въ Самаркандѣ, за исключеніемъ 11 купцовъ и 124 женщинъ, состоитъ изъ военнослужащихъ, число которыхъ доходитъ до 4,000 человѣкъ.

Окрестности Самарканда славятся своими садами. Здѣшніе сады, по премуществу, засажены тутомъ (шелковицею), карагачемъ и фруктовыми деревьями. Талу здѣсь гораздо меньше, чѣмъ въ окрестностяхъ Ташкента. Самаркандскій тополь отличается своею тониною и тщедушностью; виноградъ же, напротивъ, замѣчателенъ своею растительною силою: онъ нерѣдко достигаетъ здѣсь древовидной формы и встрѣчается въ нѣсколько саженъ высоты. Доброкачественность самаркандскаго винограда также испытана. Вино, которое приготовляютъ здѣсь два русскіе винодѣла, обращаетъ на себя вниманіе своимъ достоинствомъ и дешевизною.

За день до предположеннаго отъѣзда изъ Самарканда, я, вмѣстѣ съ другими моими сотоварищами по путешествію, былъ приглашенъ въ гости, на вечеръ, къ самаркандскому казы. По взятіи русскими Самарканда въ 1868 году, болѣе вліятельныя лица, въ томъ числѣ и казы (судьи), бѣжали въ Бухару, либо въ Хиву. На мѣсто бѣжавшихъ, по приказанію русскихъ властей, были выбраны новыя должностныя лица, причемъ число этихъ новыхъ туземныхъ властей было значительно сокращено. Вмѣсто нѣсколькихъ судей (казы), избранъ былъ только одинъ, котораго значеніе, поэтому, должно было сдѣлаться гораздо больше. Обязанный русскимъ своею властью и значеніемъ, новый самаркандскій казы искренно защищаетъ русскіе интересы. Для своего званія онъ еще молодъ: ему не болѣе 36 лѣтъ, тогда какъ, въ прежнее время, въ эту должность выбирались обыкновенно пожилые люди.

Физіономія самаркандскаго казы имѣетъ довольно подвижное и даже плутоватое выраженіе. Когда онъ шутитъ или радуется, то заливается самымъ ребяческимъ смѣхомъ.

Домъ свой казы отстроилъ съ притязаніями на европейскій ладъ. Столы, табуреты, обитые краснымъ сукномъ, и нѣчто въ родѣ креселъ—составляютъ обстановку гостиной, стѣны которой, впрочемъ, испещрены цвѣтами, нарисованными уже совершенно въ сартовскомъ вкусѣ, т. е. безъ всякой перспективы. По-

толокъ украшенъ рѣзною работою, полъ устланъ коврами.

Войдя въ комнату, мы нашли столъ уже убраннымъ „досторханомъ“, т. е. разными сластями; между ними красовались и русскія вина: хересъ, рижскій бальзамъ и бутылка шампанскаго.

Усѣвшись вокругъ стола, мы начали вести разговоръ съ хозяиномъ.

На вопросъ: „какъ его здоровье?“ онъ отвѣчалъ слѣдующею вычурною фразою:

— Сегодня я былъ болѣнъ; но, встрѣтивъ своихъ гостей, я почувствовалъ, что началъ расти, расти, и теперь мнѣ кажется, будто я своею головою достигаю неба.

— Пускай небо изольетъ на твою почтенную голову свои щедроты, пожелалъ ему полковникъ Н*, старшій изъ насъ.

Поглаживаніе бороды и глубокій поклонъ со стороны казы были отвѣтомъ на наше пожеланіе.

Продолжая быть любезнымъ съ хозяиномъ, г. Н* сказалъ:

— Мы давно уже наслышались про высокій умъ самаркандскаго казы; теперь мы удостовѣрились, что слухъ, какъ нельзя болѣе, справедливъ.

Глаза казы заблистали отъ этого комплимента, и онъ, желая оправдать сказанное, началъ говорить съ

воодушевленіемъ, но не скороговоркой, а степенно, соблюдая свое достоинство:

— Много есть въ Самаркандѣ умныхъ и толковыхъ людей; многіе изъ нихъ знаютъ шаріатъ отъ доски до доски; но лучше меня никто его не понимаетъ. Одинъ я понимаю слово Божіе и могу вразумлять народъ. И я поступаю во всемъ согласно съ буквою закона. Въ коранѣ есть текстъ, въ которомъ правовѣрнымъ предписывается повиноваться своему повелителю, и въ которомъ не опредѣлено, какую вѣру повелитель долженъ исповѣдывать. Слѣдовательно, для насъ, мусульманъ, должно быть все равно, что нашъ теперешній великій государь не мусульманинъ: мы обязаны повиноваться ему по буквѣ закона, и не только изъ страха, но и по совѣсти. Уча народъ повиноваться государю, я учу его уважать и тотъ народъ, который далъ намъ повелителя. Въ этомъ отношеніи я подаю первый примѣръ: я отдалъ своего сына въ школу, гдѣ онъ научился русской грамотѣ. Я завелъ въ своемъ домѣ русскіе порядки, чтобы встрѣчать своихъ дорогихъ гостей по ихъ обычаю. Враги мои, продолжалъ онъ, — не могутъ простить мнѣ моей молодости и моего значенія — вотъ почему они клевещутъ на меня, стараясь уронить меня во мнѣніи русскихъ, разсказывая про меня разныя небылицы и, во мнѣніи народа, выставляя меня поборникомъ кафировъ (невѣрныхъ).

— Оставайся, мудрый казы, твердъ и непоколебимъ въ своихъ начинаніяхъ, отвѣчалъ ему полковникъ Н*,—и тогда козни враговъ твоихъ разобьются, какъ разбиваются волны о камень, стоящій горделиво среди потока. Ты вѣрно дѣлаешь, что учишь народъ повиноваться государю, для сердца котораго одинаково близки интересы всѣхъ его подданныхъ — будутъ ли то христіане или мусульмане. При бухарскомъ владычествѣ, ты, казы, очень хорошо помнишь, было не то. Правами пользовались одни мусульмане; остальные же народы были безправны.

— Читая слово Божіе, сказалъ казы,—я вполнѣ постигаю преимущество новаго передъ прежнимъ. Народъ не обремененъ налогами, какъ прежде; ему стало легче, и онъ богатѣетъ. Примѣръ можете видѣть на мнѣ. При бухарскомъ владычествѣ ни одинъ казы не могъ бы разбогатѣть такъ, какъ я. Домъ мой сдѣлался полонъ, какъ чаша; въ русскихъ винахъ у меня никогда недостатка не встрѣтите. Я построилъ нѣсколько лавокъ, въ которыхъ продаются мои товары; построилъ баню, стоившую мнѣ 6,000 рублей на русскія деньги. А почему?—потому, что деньги, получаемыя за мой трудъ и познанія, я не отдаю, въ видѣ подарковъ, правительственнымъ лицамъ, какъ то дѣлывалось прежде. Наоборотъ: теперь правительственныя лица дарятъ и поощряютъ меня въ исполненіи моихъ обязанностей. Позапрошлый годъ ге-

нералъ-губернаторъ подарилъ мнѣ золотые часы; въ прошломъ году — халатъ; въ нынѣшнемъ году, когда я отсылалъ въ Курбанъ-Майрамъ пловъ генералу А—ву, онъ подарилъ мнѣ тоже халатъ, а джигиту моему далъ 10 рублей. У русскихъ выходитъ наоборотъ: начальствующія лица награждаютъ своихъ подчиненныхъ, а не подчиненные даютъ подарки старшимъ, какъ было прежде у насъ. Ну и народъ, заключилъ словоохотливый казы, — какъ нельзя больше доволенъ мною, потому что я всегда умѣю сохранить свое достоинство. Я не теряю его даже и въ томъ случаѣ, когда шучу, и когда, въ угоду своихъ гостей, приказываю иногда дѣлать то, что, быть можетъ, мнѣ не подобаетъ.

III.

Отъ Самарканда до Бухары.

Отъѣздъ изъ Самарканда. Зарь-авшанская долина. — Катты-Курганъ.—Отъѣздъ изъ Катты-Кургана.—Миръ.—Ночлегъ въ Зіауеддинѣ.—Кермине.—Мяликъ.—Бустанъ.—Богоуеддинъ.—Въѣздъ въ Бухару.—Представленіе эмиру.

17-го мая 1870 года офицеры и чиновники русскаго посольства, назначеннаго въ Бухару, выѣхали изъ Самарканда по дорогѣ въ Катты-Курганъ. Ѣхали на подставныхъ лошадяхъ, имѣя перепряжку въ мѣстечкѣ Карасу, въ 38 верстахъ отъ Самарканда. Дорога отъ Самарканда, на разстояніи верстъ 20, идетъ садами по зарь-авшанской долинѣ; но отъ Даула она поднимается, и все время, до Катты-Кургана, идетъ по окраинѣ возвышеннаго берега, внизу котораго сплошною, зеленѣющею лентою садовъ тянется знаменитый Міанкалъ. Міанкалъ есть продолговатый островъ, образуемый раздвоеніемъ рѣки Зарь-авшана. Близь Самарканда, у чепанъ-атинскихъ высотъ, Зарь-авшанъ раздѣляется на два рукава: правый—Акъ-Дарья и лѣвый—Кара-Дарья. Рукава эти соединяются у бухарскаго

города Хатырчи, лежащаго верстахъ въ 100 отъ Самарканда и верстахъ въ 8 отъ нашей границы. Кромѣ того, изъ Кара-Дарьи, въ 30 верстахъ выше Катты-Кургана, отдѣляется широкій арыкъ Нурапай, который течетъ все время почти паралельно Кара-Дарьѣ и теряется въ поляхъ за Зіауеддиномъ. Какъ островъ, такъ и берега Нурапая сплошь заселены. Зарь-авшанскую долину съ правой стороны окаймляютъ не очень высокія, но крутыя, бурыя, каменистыя горы, а съ лѣвой сопровождаютъ ее сначала самаркандскія, а потомъ катты-курганскія горы. По предгорьямъ этихъ послѣднихъ и тянется дорога въ Катты-Курганъ, начиная отъ Даула. На протяженіи 46 верстъ дорога идетъ по мѣстности совершенно открытой, волнистой, незаселенной, степной, изобилующей черепахами. Мѣстами попадаются тощія пашни, произрастающія безъ орошенія, вслѣдствіе невозможности проводить арыки. И только смѣющаяся зелень Міанкала, почти все время сопровождающая путника справа, оживляетъ печальный видъ пустыни.

Изъ населенныхъ пунктовъ, отъ Дуала до Катты-Кургана, могутъ быть названы: малое мѣстечко Карасу, лежащее въ міанкальской долинѣ, и ничтожный базаръ Чимбай верстахъ въ 20 отъ Катты-Кургана.

Грунтъ дороги изъ Самарканда въ Катты-Курганъ глинисто-песчаный. Особенно крутыхъ подъемовъ и

спусковъ не встрѣчается, такъ что въ сухое время дорога никакихъ затрудненій для движенія не представляетъ. Броды по дорогѣ попадаются только до Даула, вслѣдствіе того, что арыки, перерѣзывающіе дорогу, невсегда покрываются мостиками, а потому берега арыковъ разбиваются экипажами и арбами и вода разливается по дорогѣ, образуя лужи, подчасъ даже глубокія.

Катты-Курганъ лежитъ на лѣвомъ берегу арыка Нурапай, въ низменной мѣстности. Городъ этотъ, или, пожалуй, крѣпость окруженъ со всѣхъ сторонъ садами, между которыми, по своей красотѣ, безспорно, первое мѣсто занимаетъ бывшій садъ эмира. Самый городъ не имѣетъ ничего достопримѣчательнаго. Катты-Курганъ въ переводѣ значитъ *большая крѣпость*; но почему онъ названъ: „большою крѣпостью“ угадать трудно: крѣпостная стѣна, окружающая городъ, вовсе не замѣчательна ни по своему протяженію, ни по своей высотѣ. Въ стѣнѣ устроено четыре крытыхъ воротъ. Въ самой серединѣ города возвышается маленькая цитадель, имѣющая форму квадрата, котораго сторона не превышаетъ 40 саженъ. Стѣны цитадели возведены на плато, около трехъ саженъ высоты, такъ что вся цитадель командуетъ городомъ. Въ зимнее время здѣсь помѣщается одна рота изъ катты-курганскаго гарнизона, а въ лѣтнее время, когда войска выводятся въ лагерь, цитадель занимаетъ лишь одинъ караулъ.

Для бухарцевъ катты-курганская цитадель могла казаться сильною; но два-три европейскія орудія могутъ своротить ее въ конецъ.

Въ Катты-Курганѣ насчитывается до 5,000 жителей. Городъ снабжается водою изъ прудовъ, устроенныхъ передъ каждою мечетью. Пруды эти кишатъ миріадами водяныхъ вшей и другихъ насѣкомыхъ. Отсюда понятна причина множества накожныхъ болѣзней и „ришты“ (гвинейскаго червя), свирѣпствующихъ въ Катты-Курганѣ.

Жители города по преимуществу узбеки, родовъ: китай, кипчакъ, найманъ, кунгратъ и другихъ. Они занимаются больше всего шелководствомъ. Обиліе шелковицы въ окрестныхъ садахъ и теплый климатъ даютъ къ тому всѣ средства. Кромѣ шелководства, жители много занимаются разведеніемъ хлопка и отчасти риса.

Окраскою какъ шелка, такъ и хлопчато-бумажныхъ тканей занимаются по преимуществу евреи, которые и здѣсь, какъ вездѣ въ средней Азіи, живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ. Краску и нечистоты жители сваливаютъ на улицы и въ арыки, текущіе вдоль улицъ, такъ что вода въ арыкахъ окрашивается и распространяетъ зловоніе. Базаръ здѣсь бываетъ два раза въ недѣлю: по средамъ и по субботамъ.

19-го мая, миссія, въ полномъ составѣ, отслуживъ молебенъ, выступила изъ Катты-Кургана въ Бухару.

Дорога лежала по открытой мѣстности, слегка волнистой. Справа тянулась зеленѣющая долина Зарь-авшана. Въ 12 верстахъ отъ Катты-Кургана мы прошли мимо зырабулакскихъ высотъ, гдѣ, въ 1868 году, генераломъ Кауфманомъ была одержана блистательная побѣда надъ бухарцами. Надо замѣтить, что позиція зырабулакская не обыкновенно крѣпкая. Но русскимъ не стоило почти никакихъ усилій взять ее мигомъ. Картечь особенно была полезна.

Въ шести верстахъ отъ Зырабулака, у мѣстечка *Ширинъ-Хатынъ* (что значитъ *сладкая женщина*) *), мы переправились по мосту черезъ арыкъ Нурапай и вступили въ бухарскія владѣнія.

Дорога по бухарскимъ владѣніямъ пошла сплошною линіею садовъ, полей и огородовъ; дворы постоянно попадались то справа, то слѣва. Пшеница зеленѣла, а ячмень уже пожелтѣлъ и даже снимался. Хлопчатникъ (гуза) только-что всходилъ.

На восьмой верстѣ отъ границы, въ кишлакѣ Миръ, мы сдѣлали первый привалъ. У пруда, въ тѣни деревьевъ, мы нашли угощеніе, состоявшее, по туземному

*) Мѣстечко получило названіе отъ имени женщины, называвшейся *Ширинъ*, которая жила здѣсь и которая, будто бы, устроила мостъ черезъ Нурапай. Длина моста около 3 саженъ, ширина нѣсколько больше одной сажени. Половина мѣстечка по сю сторону Нурапая принадлежитъ русскимъ, а другая половина, по ту сторону—бухарцамъ.

обычаю, изъ разныхъ сластей, лепешекъ, чаю, суна и пилава. Любезность бухарскаго чиновника, мирахура, сопровождавшаго насъ, простиралась до того, что намъ были поданы русскіе ножи, вилки, ложки и тарелки, которые были закуплены нарочно въ Ташкентѣ для насъ и везлись за нами. Сами туземцы, какъ извѣстно, ни въ одномъ изъ вышепоименованныхъ предметовъ не нуждаются, а ѣдятъ прямо пятью пальцами изъ общей массы.

Отъ Мира шли верстъ 15 до крѣпостцы *Зіауеддинъ*. Характеръ дороги тотъ же. Въ Зіауеддинѣ были встрѣчены бекомъ, который отвелъ для насъ помѣщеніе въ своихъ парадныхъ апартаментахъ. Домъ и дворъ бека помѣщаются въ небольшой крѣпостцѣ, сооруженной на высокомъ холмѣ. Эта крѣпостца называется „Даудъ-кала“ и составляетъ собственно средоточіе зіауеддинскаго бекства. Бухарцы пріѣзду нашему были очень рады, что можно было усмотрѣть изъ сдѣланнаго пріема. Для насъ была нарочно приготовлена мебель, которая состояла изъ полудюжины деревянныхъ стульевъ самой топорной работы, и кое-какъ сляпаннаго стола. Неудобства этой доморощеной мебели были таковы, что мы предпочли усѣсться по туземному способу — просто на полу, устланномъ, какъ водится, коврами и одѣялами.

Угощеніе, принесенное намъ (досторханъ), было очень обильно, что ясно указывало на расположеніе къ намъ

и выражало его степень. Мы ѣли мало, не будучи въ силахъ переваривать азіятскія блюда.

Вечеръ былъ крайне душный. Мы помѣстились всѣ въ одной комнатѣ и устроили сквозной вѣтеръ, который, однако, нисколько не охлаждалъ воздуха. Въ это время пришелъ одинъ изъ обывателей и объявилъ, чтобы мы одѣлись какъ можно теплѣе, потому что, въ противномъ случаѣ, рискуемъ простудиться. Исполнить этотъ мудрый совѣтъ не было никакой возможности, и только утренній холодъ заставилъ укрыться потеплѣе. Ночлегъ обошелся болѣе благополучно, чѣмъ можно было ожидать: нѣкоторые изъ насъ отдѣлались только легкими простудами.

Рано утромъ намъ принесли отъ бека подарки: по одному куску адрасу (полушелковая матерія) и по одной головкѣ сахару; начальнику же мисіи два куска адрасу и, кромѣ того, лошадь съ сѣдломъ и сбруею.

Принесеніе подарковъ сопровождалось слѣдующею рѣчью: „Мы такъ рады пріѣзду столь дорогихъ гостей, что готовы бы подарить все, что имѣемъ; къ сожалѣнію, нашъ бекъ только недавно на своемъ мѣстѣ и не успѣлъ разжиться, почему и не можетъ одарить васъ такъ, какъ слѣдовало бы дарить такихъ важныхъ людей.“

Глава миссіи, отдарилъ бека и его приближенныхъ халатами, серебряными часами и табакеркой съ музыкою.

Въ этотъ день сдѣлали переходъ въ 35 верстъ. Въ девяти верстахъ отъ Зіауеддина, у кишлака Ташъ-Купрюкъ (каменный мостъ), переправились черезъ Нурапай по небольшому мосту. До этого пункта дорога сохраняетъ прежній характеръ, но затѣмъ она идетъ, большею частью, по мѣстности открытой. Съ правой стороны, невдалекѣ еще тянутся сады и воздѣланныя поля; съ лѣвой дорогу сопровождаютъ пустыри, окаймляемые невысокимъ хребтомъ.

На ночлегъ остановились верстахъ въ трехъ отъ крѣпости Кермине, въ эмирскомъ саду, насаженномъ его собственными руками, когда онъ еще въ молодости управлялъ этимъ городомъ.

Угощеніе было обильное; но перваначи (бекъ Кермине) не встрѣтилъ посольства, отговариваясь болѣзнію. На другой день онъ, однако, прислалъ подарки, за что, въ свою очередь, былъ отдаренъ.

20-го мая, по выступленіи съ ночлега, мы прошли мимо города, оставивъ его верстахъ въ двухъ въ сторонѣ. Дорога шла садами, которые черезъ 12 верстъ окончились, и дорога сдѣлалась степною. Хотя горы и сопровождали долину справа и слѣва, но уже тянулись въ видѣ холмистой гряды. Справа еще виднѣлась зеленая лента Зарь-авшана, все болѣе и болѣе отдалявшаяся отъ дороги. Степь ровная, грунтъ каменистый.

Въ шести верстахъ отъ конца садовъ сдѣлали при-

валъ въ кишлакѣ *Мялик*ъ. Здѣсь находятся развалины стариннаго строенія, временъ Абдулъ-хана; по имени этого строенія названъ теперешній кишлакъ и вся степь. Отъ строенія сохранилась одна передняя стѣна, съ башнею на флангѣ. Развалины могли бы служить украшеніемъ въ любомъ европейскомъ городѣ. Кишлакъ состоитъ изъ 15 дворовъ. Воду жители добываютъ изъ колодцевъ. Весенняя вода собирается въ муллушкѣ, построенной еще въ старину тутъ же, сзади кишлака.

Томимые зноемъ, мы продолжали наше шествіе по степи. Мѣстность сдѣлалась слегка волнистою; грунтъ оставался попрежнему песчано-каменистымъ. Верстахъ въ 14 отъ Мялика, горы слѣва повернули въ сторону и скрылись изъ вида; горы, сопровождавшія Зарь-авшанъ справа, тоже окончились, слившись со степью. Зеленая лента Зарь-авшана, все болѣе и болѣе удалялась отъ дороги, также пропала изъ виду.

Проѣхавъ 24 версты чистою степью, мы достигли опять населенной долины Зарь-авшана. Грунтъ снова сдѣлался глинистымъ.

Пройдя четыре версты долиною, остановились на ночлегъ въ селеніи Бустанъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, намъ выставили обильное угощеніе, но помѣщеніе отвели тѣсное: насъ столпили въ небольшомъ дворикѣ вмѣстѣ съ казаками. Мирахуръ, сопровождавшій насъ, написалъ къ эмиру донесеніе, въ которомъ испраши-

валъ, когда его высокостепенство приметъ насъ: прямо ли съ дороги или послѣ, на другой день?

Въ Бустанъ мы пріѣхали въ базарный день, когда улицы были запружены народомъ. Народъ смотрѣлъ на насъ съ любопытствомъ и безъ малѣйшаго признака злобы или страха. Изъ разговоровъ нашей прислуги съ бухарцами даже оказывалось, что народъ радовался нашему пріѣзду, смотря на насъ, какъ на вѣстниковъ мира, тишины и спокойствія.

22-го мая намъ предстоялъ переходъ въ 38 верстъ до Богоуеддина, лежащаго въ девяти верстахъ отъ Бухары.

Мирахуръ, въ ожиданіи отвѣта отъ эмира, просилъ насъ не торопиться и сдѣлать два привала на дорогѣ. Это было необходимо, по его словамъ, еще и за тѣмъ, чтобы имѣть возможность оказывать намъ больше пріемовъ и угощеній.

Согласно просьбѣ мирахура, мы останавливались часа по два сперва въ 12 верстахъ отъ ночлега, близъ селенія Аты-Заубатъ, а потомъ въ селеніи Куюкъ-Мазаръ. Изъ Бустана сады и населенные пункты не покидаютъ путника вплоть до Бухары. Воздѣланность долины производитъ самое благопріятное впечатлѣніе. Нѣтъ ни одного клочка земли безплоднаго: все занято, все приноситъ пользу. Объ одномъ можно было пожалѣть — о недостаткѣ воды. Арыки вездѣ были сухи, и бухарцы въ это время надѣялись исключи-

тельно на насъ, что мы дадимъ имъ воду, запрудивъ временно свои арыки въ верхней половинѣ Зарьявшана.

Верстъ за десять до Бугоуеддина встрѣтилъ насъ братъ бухарскаго кушъ-беги (перваго министра), который передалъ намъ поклонъ отъ эмира и кушъ-беги и затѣмъ нѣсколько разъ разспрашивалъ: довольны ли мы мирахуромъ и тѣми лицами, которыя принимали насъ на ночлегахъ, присовокупивъ, что, если бы мы были кѣмъ нибудь недовольны, то эмиръ тотчасъ бы смѣнилъ виновнаго.

Агентъ миссіи отвѣчалъ выраженіемъ благодарности за радушный пріемъ, встрѣченный повсемѣстно въ бухарскихъ предѣлахъ.

Въѣзжая въ Богоуеддинъ, мы были встрѣчены огромными толпами народа, который тѣснился въ улицахъ и переулкахъ. Съ крышъ домовъ пугливо выглядывали женщины.

На ночлегъ остановились на самомъ людномъ мѣстѣ, на площади, передъ мечетями, посвященными памяти святаго, по имени котораго селеніе получило названіе. Расположились частію въ палаткахъ, частію на открытомъ воздухѣ. Арбы поставили полукругомъ, образовавъ изъ нихъ родъ бруствера.

Радушіе бухарцевъ усиливалось. Количество приготовленнаго для насъ кушанья и досторхановъ было до безобразія громадное.

23-го мая, рано утромъ, передъ выступленіемъ, осматривали гробницу святого Богоуеддина Накшъ-бенда.

Съ площади мы вышли въ ворота, и, повернувъ направо, пошли довольно длиннымъ открытымъ коридоромъ, устроеннымъ изъ большихъ сѣрыхъ камней. Безчисленное множество нищихъ, увѣчныхъ и бродягъ-мальчишекъ преслѣдовало насъ, выпрашивая подачку и вырывал ее изъ рукъ другъ друга. Только усердіе властей, нещадившихъ себя при раздачѣ ударовъ направо и налѣво, возстановляло нѣкоторый порядокъ. Коридоръ привелъ насъ къ четыреугольному дворику, хорошо вымощенному камнемъ. По двумъ сторонамъ дворика расположены мечети. Галерея передъ мечетями, расположенными съ лѣвой стороны, обратила наше вниманіе по великолѣпной рѣзной работѣ потолка, къ которому привѣшено десятка полтора русскихъ паникадилъ. Паникадила, большею частью, мѣдные, позолоченые, но есть и хрустальныя. На одномъ изъ паникадилъ оставленъ крестъ. Паникадила здѣсь не имѣютъ никакого смысла, потому что правовѣрные, по закону, свѣчей не возжигаютъ.

Двѣ другія стороны двора ограничены рѣшетками, въ углу которыхъ расположена могила бухарскаго патрона. Могила довольно большая, но не обращаетъ на себя вниманія ни по архитектурѣ, ни по богатству. Это просто сѣрая, каменная четыреугольная масса,

высотою около сажени и въ основаніи около девяти квадратныхъ саженъ.

Во главѣ гробницы лежитъ исписанный по-арабски камень, къ которому правовѣрные благоговѣйно прикасаются руками, и затѣмъ священнымъ прахомъ, пристающимъ къ пальцамъ, потираютъ себѣ лицо и бороду.

Рядомъ съ гробницею Богоуеддина расположено еще нѣсколько гробницъ малаго размѣра, бѣлыхъ, кажется, изъ извѣсти, обыкновенной мусульманской конструкціи, то есть въ видѣ трехгранной призмы, которой двѣ боковыя продольныя грани нѣсколько изогнуты. Здѣсь похоронены, какъ намъ сообщилъ одинъ изъ сопровождавшихъ, тѣ гости святаго, которые умерли у него на рукахъ.

Богоуеддинъ, или, иначе, Хазрети Накшъ-бендъ, умеръ въ 1303 году, основавъ большой орденъ юродствующихъ монаховъ. Память его высоко чтится во всей Бухарѣ, которой онъ считается покровителемъ, какъ св. Іаковъ въ Испаніи.

Лѣвѣе мечетей съ гробницею Богоуеддина находится мечеть съ гробницею Мурадъ-бія,—прадѣда настоящаго эмира.

Наконецъ, еще нѣсколько лѣвѣе, медресе съ 36 комнатами для учениковъ. Въ каждой комнатѣ помѣщается отъ двухъ до трехъ учениковъ.

Надъ высокими, куполообразными воротами, веду-

щими на площадь, съ которой мы собственно и попали во всѣ три вышеупомянутыя зданія, аисты искони свили свои гнѣзда. И здѣсь, въ Бухарѣ, какъ и въ Россіи, аисты пользуются почетомъ: они выражаютъ собою знаменіе благоволенія Божія.

Селеніе Богоуеддинъ населено почти исключительно потомками святаго, которые называются ходжами. Они избавлены отъ всякихъ повинностей.

По выступленіи изъ Богоуеддина, мы вскорѣ были встрѣчены двумя важными сановниками, въ кашемировыхъ халатахъ, опоясанныхъ кашемировыми же шалями, и безъ оружія. Ихъ сопровождалъ взводъ всадниковъ, одѣтыхъ въ халаты и также безоружныхъ. Сановники были—беки, которые обратились къ агенту съ неизмѣннымъ вопросомъ о томъ, какъ ѣхали и какъ насъ принимали дорогою.

Путь изъ Богоуеддина до Бухары идетъ все время довольно широкою алеею, окопанною канавами и обсаженною молодыми деревьями. Грунтъ мѣстами твердый, мѣстами песчаный. Черезъ арыки вездѣ проложены каменные и достаточно широкіе мостики. Въ арыкахъ не было ни капли воды.

Проѣхавъ съ полверсты предмѣстьемъ города, мы выѣхали къ городскимъ воротамъ, съ башнями довольно чистой отдѣлки. Стѣна, окружающая городъ, имѣетъ до $3^1/_2$ саженъ высоты. Предъ стѣною нѣтъ и признака эспланады.

Улицы въ городѣ чрезвычайно узки, такъ что только два всадника могутъ свободно ѣхать рядомъ, но дома нѣсколько выше, чѣмъ въ другихъ азіятскихъ городахъ. Постройки идутъ почти сплошною линіею; проѣзжающій постоянно видитъ справа и слѣва довольно высокія глиняныя стѣны: это— заднія стороны выходящихъ на улицу домовъ.

Народъ густыми толпами стоялъ, прислонившись къ стѣнамъ, къ воротамъ, къ мечетямъ. Крыши домовъ и мечетей также заняты были любопытными. Сквозь окна или, правильнѣе, дыры домовъ, выглядывали женщины, которыя на это время забывали даже боязнь показывать свое лицо мужчинамъ. Многіе изъ народа привѣтствовали насъ русскимъ словомъ: „здравствуй“; другіе—и эти, по всей вѣроятности, были татары—высказывали глазами дружескіе жесты и радостно улыбались. Передъ базаромъ, въ толпѣ, мы увидѣли франта въ бѣломъ казакинѣ съ блестящими кавалерійскими эполетами и съ шашкою черезъ плечо. Въ серединѣ города проѣхали черезъ базаръ, обращающій на себя вниманіе тѣмъ, что улицы здѣсь покрыты сплошнымъ потолкомъ, въ которомъ мѣстами сдѣланы отдушины. Въ лавкахъ отъ этого хотя и темновато, за то прохладно, а въ ненастное время—сухо. Такихъ удобствъ не существуетъ въ другихъ среднеазіятскихъ городахъ.

Улицы, по которымъ мы проѣзжали, вымощены тол-

стымъ булыжнымъ камнемъ, который, уменьшая грязь, тѣмъ не менѣе затрудняетъ передвиженіе.

На противоположномъ концѣ города, близъ Каракульскихъ воротъ, насъ помѣстили въ большомъ зданіи одного сановника, по имени Шукуръ-инаха, который на время нашего пріѣзда удаленъ въ другое мѣсто.

Въ наше распоряженіе отведены были три четыреугольныхъ двора съ строеніями по сторонамъ. Дворы чисто вымощены кирпичемъ. За дворами расположенъ большой садъ, въ прудахъ котораго въ это время хотя и не было проточной воды, но вода сохранялась въ нѣсколькихъ колодцахъ.

Мы размѣстились довольно удобно. Заботливость бухарцевъ о насъ была на столько велика, что намъ приготовили довольно порядочную мебель, въ сооруженіи которой проглядывалъ чисто-азіятскій вкусъ. Такъ, напримѣръ, каркасы стульевъ окрасили въ яркій зеленый цвѣтъ, подушки и спинку изнутри обили краснымъ сукномъ, а спинку сзади покрыли зеленымъ сукномъ.

Къ мѣсту своего помѣщенія мы прибыли ровно въ полдень и нашли уже готовыми чай и угощенье, состоявшее изъ самыхъ отборныхъ азіятскихъ сластей. Чай мы пили, а на сласти даже смотрѣть не могли: такъ они намъ опротивѣли.

Вскорѣ пришелъ посланный отъ кушъ-беки, т. е.

отъ перваго министра; онъ явился съ подарками, которые поднесъ агенту. Подарки состояли изъ лошади съ сбруею и сѣдломъ, трехъ халатовъ и десятка кусковъ шелковой матеріи. Вслѣдъ затѣмъ были принесены на девяноста шести блюдахъ, мискахъ и тарелкахъ разныя кушанья. Хотя все принесенное представляло самые изысканные образцы азіятской кухни, однако мы къ нимъ даже прикоснуться не были въ силахъ.

Передъ вечеромъ явился мирахуръ, который сообщилъ, что эмиръ такихъ дорогихъ гостей приметъ тогда, когда мы пожелаемъ; что выраженіе его дружбы и расположенія простирается до того, что онъ намѣренъ одарить насъ во время нашего представленія,— честь, которой до сего времени не оказывалась никому; что мы имѣемъ право ходить куда угодно и смотрѣть что угодно; что насъ, въ этомъ случаѣ, будетъ сопровождать либо онъ, либо его братъ шихаулъ (церемоніймейстеръ).

Въ отплату за столько уступокъ и любезностей, агентъ согласился, что халаты, которыми эмиръ одаритъ насъ, будутъ, согласно бухарскому обычаю, надѣты поверхъ мундира. Но такъ какъ мы съ дороги устали, то представленіе эмиру отложили до слѣдующаго дня.

24-го мая, рано утромъ, мы были разбужены выстрѣлами и звуками барабановъ. Войска эмира про-

изводили ученіе и, надо отдать имъ справедливость, стрѣляли и барабанили усердно, вѣроятно желая произвести на насъ впечатлѣніе благоустроенностію своего войска.

Назначеніе временъ для представленія эмиру предоставлено было его высокостепенству. Рѣшено было чтобы мы ѣхали къ нему въ двѣнадцать часовъ. Нарядившись въ парадный костюмъ, мы, въ сопровожденіи шихаула (церемоніймейстера), отправились въ цитадель, гдѣ обитаетъ владыка правовѣрныхъ. Впереди нашего кортежа шли пѣшіе казаки конвоя, неся на блюдахъ подарки эмиру. Подарки были отъ туркестанскаго генералъ-губернатора и состояли изъ серебрянаго сервиза, хронометра, столовыхъ часовъ съ канделябрами, музыкальнаго ящика и куска сукна.

Густыя толпы народа запруживали улицы. Мы ѣхали тихо, съ подобающею торжественностью. Проѣхавъ чрезъ ригистанъ (главная часть города), приблизились къ арсу (цитадель). Цитадель построена на возвышенномъ основаніи, имѣющемъ саженъ до четырехъ высоты; кромѣ того самыя стѣны имѣютъ до двухъ саженъ высоты.

Ворота цитадели защищены башнями; на воротахъ висятъ часы довольно аляповатой работы—дѣло рукъ русскаго аферіста Каратаева, лѣтъ десять тому на-

задъ бѣжавшаго въ Бухару и теперь искавшаго случая возвратиться въ Россію.

У подошвы высоты конвой нашъ остановился. Мы же, верхомъ на лошадяхъ, поднялись вверхъ, по направленію къ воротамъ. Крытыя ворота образуютъ коридоръ, длиною около пятидесяти шаговъ. По сторонамъ этого коридора были разставлены сарбазы (солдаты) въ красныхъ казакинахъ, въ желтыхъ кожаныхъ шароварахъ и въ черныхъ мерлушчатыхъ шапкахъ. Большинство сарбазовъ отличалось необыкновенною молодостью, были даже просто дѣти. При нашемъ приближеніи раздалась команда по-русски: „слушай: на кра-улъ“, и сарбазы исполнили ее совершенно такъ, какъ дѣлается у насъ.

Проѣхавъ ворота и коридоръ, мы остановились на маленькой площадкѣ и слѣзли съ лошадей. Два удайчи (придворныхъ), въ парчевыхъ халатахъ и съ росписанными палками, повели насъ направо черезъ большой дворъ, хорошо вымощенный камнемъ и окруженный галереями. Изъ этого двора мы вступили въ комнату среднихъ размѣровъ, которая, посредствомъ дверей, сообщалась съ другою, значительно большею, имѣвшею сводчатый потолокъ и весьма напоминавшею манежъ. Въ этомъ манежѣ, у противоположной отъ двери стѣны, на подостланномъ на полу войлокѣ, сидѣлъ плотный мужчина лѣтъ сорока восьми.

Удайчи и шихаулъ подхватывали насъ поочереди

подъ руки и подводили къ эмиру, который каждому подавалъ руку и привѣтствовалъ словомъ: аманъ (здравствуйте). Послѣ рукопожатія всѣ усѣлись полукругомъ на полу, шагахъ въ пяти отъ эмира. Въ залѣ кромѣ насъ, девяти русскихъ тюрей (офицеровъ) и эмира присутствовалъ только кушъ-беги, стоявшій позади насъ, и три церемоніймейстера, тоже стоявшіе у дверей.

Костюмъ эмира поражалъ своею простотою: онъ былъ одѣтъ въ самый обыкновенный халатъ яркозеленаго цвѣта и въ небольшой бѣлоснѣжной чалмѣ. Полное лицо Музафара открыто и дышетъ благородствомъ. Глаза, согласно обычаю, были подкрашены. Въ небольшой черной бородкѣ замѣтна просѣдь. На лбу прорѣзались морщины и, кромѣ того, видѣнъ глубокій шрамъ.

Звучный голосъ эмира нѣсколько дрожалъ. Видно было, что онъ чувствовалъ себя несовсѣмъ ловко.

Согласно общепринятому порядку, эмиръ спросилъ агента о здоровьѣ русскаго царя, затѣмъ туркестанскаго генералъ-губернатора и о томъ, довольна ли миссія пріемомъ, сдѣланнымъ ей въ Бухарѣ, послѣ чего агентъ, въ короткой рѣчи, сообщилъ эмиру цѣль прихода миссіи, передавъ желаніе туркестанскаго генералъ-губернатора сохранять дружбу съ Бухарою.

Эмиръ съ жадностью ловилъ слова агента и приговаривалъ: „хопъ-якши“ (очень хорошо).

Когда аудіенція окончилась,, мы всѣ удалились въ первую комнату, гдѣ насъ попросили обождать. Эмиръ, въ сопровожденіи кушъ-беги, также немедленно вышелъ въ боковую дверь.

Бухарскіе чиновники окружили насъ, приговаривая: „хошъ-якши“. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ къ намъ принесли въ подарокъ каждому по два халата: по одному кашемировому и по одному шелковому, и просили надѣть оба. Мы надѣли только по одному, и затѣмъ, сѣвши на лошадей, прежнимъ торжественнымъ маршемъ двинулись въ свою квартиру.

Вечеромъ приходили къ намъ человѣкъ четырнадцать русскихъ торговцевъ, живущихъ въ Бухарѣ. Трое изъ нихъ были чисто русскіе, а остальные татары — довѣренные нашихъ купцовъ. Всѣ они объявили, что своимъ положеніемъ въ Бухарѣ очень довольны, никакихъ обидъ и притѣсненій не испытываютъ, и что пошлина (зякетъ) взимается съ нихъ одинаковая съ тою, какая берется съ мусульманъ, т. е. одна сороковая или $2^{1}/_{2}\%$.

IV.

Пребываніе въ Бухарѣ.

Прогулка по городу. — Письмо бухарскаго кушъ-беги къ агенту миссіи. — Визитъ миссіи бухарскому кушъ-беги.—Бухарскіе больные. — Бухарскія произведенія. — Старыя монеты въ Бухарѣ. — Книги. — Абиссинцы въ Бухарѣ. — Русскій бѣглый. — Натянутое положеніе русской миссіи въ Бухарѣ. — Торжество русской политики. — Разговоръ агента съ довѣреннымъ бухарскаго правительства. — Среднеазіятская музыка. — Среднеазіятская пляска. — Значеніе бачей въ средней Азіи. — Прощальная аудіенція у эмира. — Представленіе сыну эмира Абдулъ-Фаттахъ-хану. — Отъѣздъ изъ Бухары.

На третій день послѣ нашего пріѣзда въ Бухару мы, въ сопровожденіи бухарскаго чиновника, отправились осматривать городъ, который, однако, ничего интереснаго не представилъ, исключая пестрой толпы народа, слѣдовавшей за нами, подобно волнамъ потока, съ шумомъ и гамомъ. Одни привѣтствовали насъ обычнымъ словомъ: „аманъ“, другіе русскимъ: „здравствуйте“, наконецъ третьи приговаривали: „хопъ якши тамыръ“ (очень хорошій пріятель). Рои мальчишекъ кричали безъ умолку: они или выкрикивали „ура“,

или истощали весь запасъ русскихъ словъ, которыя знали. А этотъ запасъ относился почти исключительно къ командамъ: „становись“, „глаза напра-во“, „на плечо“, на „кра-улъ“ и проч. и проч. Насъ немало изумило такое изобиліе и твердое знаніе русскихъ командныхъ словъ, почему мы и обратились къ одному изъ мальчишекъ съ вопросомъ: откуда они научились всему тому, что говорили?

— Насъ научилъ Османъ, который былъ у насъ важнымъ бекомъ (губернаторомъ), отвѣчалъ мальчикъ.

Надо замѣтить, что Османъ, простой сибирскій казакъ, бѣжавшій въ Бухару, пріобрѣлъ тамъ важное значеніе: онъ обучалъ бухарцевъ военному дѣлу и командовалъ ими подъ Самаркандомъ и Зирабулакомъ; но въ концѣ 1868 года сложилъ свою буйную голову отъ руки палача, за то, что не хотѣлъ идти съ войскомъ эмира противъ его старшаго сына, стремившагося низложить отца.

Бухарскія власти хотя и дали намъ разрѣшеніе свободно ѣздить по городу, но сдѣлали это только изъ приличія, а потому, подъ разными предлогами, рѣшили впредь затруднять наши экскурсіи по городу. На другой день послѣ нашей прогулки кушъ-беги написалъ длинное письмо агенту миссіи, въ которомъ выразилъ слѣдующее:

„Люди ваши (министръ разумѣлъ здѣсь членовъ миссіи) вчера сдѣлали *тамашу* (зрѣлище) по благо-

родной Бухарѣ, собирая огромныя толпы народа. Я долженъ предупредить васъ, что между бухарцами есть много необузданныхъ и развратниковъ *), которые могутъ причинить посольству что-либо непріятное. Во избѣжаніе чего, если ваши люди пожелаютъ впредь осматривать городъ, пускай предупредятъ меня, и я тогда пошлю съ ними пять или шесть важныхъ сановниковъ, которые оградятъ ихъ отъ непріятностей".

Далѣе въ письмѣ кушъ-беги отклонялъ миссію отъ визита сыну эмира Абдулъ-Фаттахъ-хану (бывшему въ 1868—1869 г. въ Петербургѣ и къ которому были привезены отъ туркестанскаго генералъ-губернатора письмо и подарки), на томъ основаніи, что этимъ возбудится зависть въ другихъ дѣтяхъ эмира, и между ними возникнетъ ссора. Министръ совѣтовалъ письмо и подарки вручить сыну эмира наканунѣ нашего отъѣзда изъ Бухары. Затѣмъ достопочтенный кушъ-беги предлагалъ агенту и членамъ миссіи, для покупки бухарскихъ произведеній, присылать купцовъ съ товарами къ намъ на домъ, съ тѣмъ, чтобы мы все, что намъ понравится, откладывали въ сторону и присылали бы къ нему для оцѣнки. Этимъ путемъ кушъ-беги хотѣлъ избавить насъ отъ переплаты купцамъ.

Наконецъ государственный канцлеръ назначилъ 30-е мая днемъ пріема миссіи у себя.

---

*) Здѣсь кушъ-беги выразился до-нельзя неприлично.

Въ отвѣтъ на это письмо, агентъ написалъ кушъ-беги, что члены миссіи не его люди, а слуги Бѣлаго Царя, и затѣмъ на всѣ остальныя предложенія министра изъявилъ свое согласіе.

Въ назначенный для пріема у кушъ-беги день, въ первомъ часу пополудни, всѣ члены миссіи, нарядившись въ кителя съ орденами, отправились къ министру.

Государственный канцлеръ жилъ въ это время загородомъ, на дачѣ. Дача перваго министра, какъ и все въ Азіи, не поражаетъ не только великолѣпіемъ, но даже просто удобствами. Вокругъ дворика, по азіятскому обыкновенію, расположены небольшія комнаты съ сѣрыми, глиняными, небѣленными ни снаружи, ни внутри стѣнами. Единственныя украшенія комнатъ—ковры на полу. Мы были приняты на маленькой галереѣ, гдѣ для насъ приготовили сидѣнья изъ топорно-сколоченныхъ табуретовъ, покрытыхъ войлокомъ. Истомленные жарою, мы, въ ожиданіи выхода кушъ-беги, усѣлись. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ подошелъ секретарь (мирза) кушъ-беги и объявилъ, что министръ сейчасъ выйдетъ, и что, при его приходѣ, надо будетъ встать. Агентъ замѣтилъ секретарю, что русскіе приличія знаютъ, и относительно того, какъ вести себя, могутъ научить бухарцевъ. Кушъ-беги, дѣйствительно, появился тотчасъ, ведомый подъ руки своими приближенными.

Подойдя къ намъ, онъ неловко подалъ каждому свою лѣвую руку, которая сильно дрожала, и вслѣдъ затѣмъ пригласилъ сѣсть.

Лицо кушъ-беги носитъ отпечатокъ узбекскаго типа: оно нѣсколько плоско и съ довольно-широкими скулами; глаза маленькіе и косо-расположенные; носъ широкій, рѣпчатый; губы тонкія; цвѣтъ кожи оливковый. Одежду кушъ-беги составляли: парчевый халатъ, желтая, съ шалевымъ рисункомъ, чалма и сплошь вышитые золотомъ сапоги на зеленой скуровой подошвѣ, преподнятой у остроконечнаго носка кверху.

Кушъ-беги на видъ около шестидесяти лѣтъ, хотя онъ гораздо моложе. Голосъ чрезвычайно тонкій и какъ будто разбитый. Впрочемъ, вся его фигура казалась расклеившеюся.

Первый вопросъ кушъ-беги былъ о здоровьѣ Бѣлаго Царя, затѣмъ его сыновей, министровъ и туркестанскаго генералъ-губернатора.

Послѣ рѣчи агента о цѣли прихода миссіи, кушъ-беги обратился къ нему съ слѣдующими словами:

„Такъ какъ Бухарское ханство немаленькое, то я обремененъ важными государственными дѣлами, къ отправленію которыхъ и теперь долженъ обратиться; поэтому прошу васъ отдохнуть, напиться чаю, позавтракать. Немного погодя, окончивъ свои занятія, я приду и поговорю съ вами о государственныхъ дѣлахъ“.

Сказавъ эти слова, кушъ-беги удалился; но, нѣ-

сколько минутъ спустя, къ агенту подошелъ приближенный бухарскаго премьера и спросилъ, когда онъ желаетъ говорить о государственныхъ дѣлахъ: „послѣ чаю, послѣ фруктовъ или послѣ пилава?“ Агентъ отвѣчалъ, что о важныхъ дѣлахъ удобнѣе всего вести рѣчь уже послѣ пилава.

Для чая и угощенія было приготовлено мѣсто въ саду. Садъ кушъ-беги тѣнистостью не отличается: онъ состоитъ на половину изъ виноградныхъ и на половину изъ гранатовыхъ кустовъ. Въ саду также была поставлена для насъ импровизированная мебель, въ числѣ которой находилась желѣзная кровать, подаренная въ Ташкентѣ сыну эмира Абдулъ-Фаттахъ-хану, когда онъ ѣздилъ въ Россію. Желтый чай (довольно хорошаго качества) подавали въ трехъ большихъ зеленыхъ стаканахъ и въ нѣсколькихъ чашечкахъ. Затѣмъ подали достарханъ и, въ заключеніе, неизбѣжный „палау“ (пилавъ). Посуда и сервировка были русскія; но, по своей разнокалиберности, напоминали хозяйство небогатаго содержателя постоялаго двора въ Россіи. Для „палау“ поданы были желтыя деревянныя ложки, употребляемыя у насъ простонародьемъ.

Насытившись, какъ могли, мы перешли на галерею, давая знать гостепріимному хозяину, что палау съѣденъ и что время для разговоровъ о важныхъ дѣлахъ наступило.

Вскорѣ во дворъ привели бѣлую лошадь съ раззо-

лоченнымъ чапракомъ и принесли на подносѣ парчевой халатъ и девять штукъ шелковой матеріи. Это были подарки агенту и намъ. Вслѣдъ за поднесеніемъ подарковъ, вышелъ и самъ кушъ-беги. Поблагодаривъ за пріемъ, агентъ испросилъ позволенія у министра отложить рѣчь о дѣлахъ, такъ какъ, въ этотъ разъ, мы были у него въ гостяхъ, и при томъ все самое важное и главное — выраженіе дружбы туркестанскаго генералъ-губернатора—высказано и эмиру, и ему; оставались только мелкіе вопросы, касающіеся отдѣльныхъ частныхъ лицъ, по жалобамъ ихъ на бухарскихъ купцовъ. Кушъ-беги охотно согласился.

На вопросъ кушъ-беги: всѣмъ-ли мы довольны въ Буҳарѣ? агентъ отвѣчалъ, что всѣмъ, за исключеніемъ одного: намъ не даютъ возможности свободно разъѣзжать по городу и ничего не показываютъ.

„Когда посланникъ вашъ, *тюря-джанъ*, былъ въ Ташкентѣ и въ Петербургѣ“, сказалъ агентъ миссіи, „ему каждый день давали возможность видѣть что-нибудь новое. Ему показывали войска, парады, маневры и проч. Если и бухарцы, въ свою очередь, дадутъ намъ возможность свободно разъѣзжать по городу, покажутъ свои лучшія зданія и постройки и, наконецъ, войска, то я останусь вполнѣ доволенъ и, по пріѣздѣ въ Ташкентъ, доложу генералъ-губернатору, что бухарцы встрѣтили насъ настоящими друзьями и выказали по истинѣ дружеское расположеніе“.

Лицо кушъ-беги выразило безпокойство; онъ отвѣчалъ, что это вопросъ такой важности, что рѣшить его онъ самъ не имѣетъ права, а представитъ благоусмотрѣнію эмира, и тогда не преминетъ сообщить намъ волю своего повелителя; вслѣдъ затѣмъ, подозвавъ своего секретаря, онъ велѣлъ ему записать весь разговоръ съ агентомъ. Секретарь вынулъ изъ-за пазухи *калямъ-данъ* (продолговатая коробочка для храненія туши и каляма, т. е. пера), присѣлъ на корточки и началъ быстро писать.

Все написанное было прочитано черезъ переводчика, чтобы агентъ могъ убѣдиться, что все сказанное имъ будетъ передано эмиру вѣрно и точно.

— Нѣтъ-ли еще чего добавить? спросилъ кушъ-беги, по окончаніи чтенія.

— Самое главное, достопочтенный кушъ-беги, прошу васъ передать поклонъ эмиру и засвидѣтельствовать ему мое почтеніе, отвѣчалъ агентъ.

„Хонъ якши“ и взятіе за бороду были отвѣтомъ на это заявленіе.

Вслѣдъ за тѣмъ мы распростились съ кушъ-беги и уѣхали во свояси.

Послѣ представленія кушъ-беги, агентъ миссіи ожидалъ отвѣта относительно назначенія времени для переговоровъ о заявленныхъ вопросахъ. Спустя нѣсколько дней, агентъ, зная медлительность азіятцевъ, написалъ кушъ-беги письмо, въ которомъ изложилъ всѣ

вопросы по жалобамъ купцовъ, нашихъ подданныхъ, и просилъ ихъ разсмотрѣнія. Но и на письмо кушъбеги не торопился отвѣчать.

Очевидно было, что бухарцы что-то соображали, и хотя относились почтительно и содержали насъ щедро, но не довѣряли.

Для вниканія въ наши нужды, къ намъ былъ приставленъ особый чиновникъ, по имени Арсланъ-ходжа, толстый, неуклюжій, съ глупою физіономіею. На обязанности этого чиновника лежало также подсматриваніе что мы дѣлаемъ и немедленное сообщеніе о томъ высшимъ властямъ.

Мы жили какъ воспитанники въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Насъ кормили, поили, стерегли ночью и неусыпно наблюдали днемъ. Сообщеніе наше съ внѣшнимъ міромъ происходило при помощи нашихъ джигитовъ и переводчиковъ-мусульманъ, которые могли свободно, во всякое время, бывать повсюду.

Но если членамъ миссіи не приходилось проникать легко черезъ свою ограду, чтобы видѣть бухарцевъ, то, наоборотъ, бухарцы постоянно приходили къ намъ для разныхъ цѣлей.

Утромъ, съ восьми часовъ, большой дворъ посольства наполнялся больными всѣхъ сортовъ, искавшими помощи у нашего доктора. Допускались только мужчины и дѣти; женщины же были отгоняемы бухарскимъ привратникомъ. Число больныхъ простиралось

до 200 душъ ежедневно: одни искали исцѣленія, другіе—укрѣпленія. Относительно послѣдняго необходимо замѣтить, что ничѣмъ нельзя такъ угодить бухарцу, какъ давши ему укрѣпляющаго.

Между различными, рѣзко выдѣлявшимися типами таджиковъ, узбековъ, евреевъ, индусовъ и проч., попадались изрѣдка и русскія физіономіи.

Въ числѣ больныхъ явился однажды часовщикъ *), который выдавалъ себя за астронома и астролога. На вопросъ, въ чемъ состоятъ его астрономическія познанія, онъ отвѣчалъ, что можетъ предсказывать затмѣніе солнца и луны. Въ подтвержденіе своей способности, онъ произнесъ пророческимъ голосомъ:

— Я говорю, что черезъ пять дней будетъ лунное затмѣніе.

— Откуда же это ты узналъ, кто сказалъ тебѣ?

— У меня есть книга, по которой я и угадываю.

Мы сообразили, что такая книга была, по всей вѣроятности, русскій календарь, и потому немедленно справились съ календаремъ: оказалось, что лунное затмѣніе должно было случиться не черезъ пять дней, а гораздо позже. Когда это было разъяснено нашему астроному, онъ, не сконфузясь, отвѣчалъ, что его календарь англійскій, переведенный на персидскій, и что

*) Въ Бухарѣ четыре часовщика, которые если не съумѣютъ сдѣлать часовъ, то, по крайней мѣрѣ, могутъ починить ихъ.

русскій календарь, также какъ и турецкій, не сходятся съ англійскимъ и отстаютъ на нѣсколько дней.

Кромѣ больныхъ, насъ посѣщали купцы также всевозможныхъ оттѣнковъ и національностей. Они приносили намъ для продажи произведенія благородной Бухары, Предметы, которые мы желали купить, согласно предложенію кушъ-беги, отсылались къ нему для оцѣнки. Государственный министръ обозначалъ стоимость предмета, какъ бы малъ или ничтоженъ онъ ни былъ, на особомъ ярлыкѣ и присылалъ къ намъ, послѣ чего уже отъ насъ зависѣло взять предметъ или нѣтъ.

Справедливость требуетъ сказать, что тѣ произведенія благородной Бухары, которыя приносили къ намъ, не заслуживали вниманія по своимъ качествамъ.

Бирюза, на которую члены миссіи напустились-было съ ожесточеніемъ, оказывалась зеленою и бѣловатою. Туркменскіе ковры, славящіеся во всей средней Азіи, были тоже худшаго разбора. Бѣлаго канауса, пріобрѣтеніе котораго было такъ желательно почти всѣмъ членамъ миссіи, совершенно не оказывалось въ продажѣ и намъ предложили сдѣлать нарочный заказъ. Мало-мальски порядочными найдены были только каракульскія мерлушки и полосатый канаусъ.

И то, и другое—образцовыя произведенія бухарскаго промышленнаго искуства.

Гораздо болѣе интереса представляли старыя монеты, которыя также приносились къ намъ для прода-

жи: онѣ относились къ различнымъ эпохамъ и служили представителями самыхъ разнообразныхъ цивилизацій.

Самыя древнія изъ принесенныхъ монетъ были греческія (бактрійскія). Всѣ монеты этого типа серебряныя, величиною около русскаго полтинника; онѣ относятся къ эпохѣ распаденія монархіи Александра Македонскаго и образованія бактрійскаго царства. На лицевой сторонѣ монеты представлена профиль царя, а на оборотной изображена фигура Геркулеса, сидящаго на жертвенникѣ, покрытомъ шкурою немейскаго льва и держащаго въ правой рукѣ палицу — орудіе истребленія льва. Большинство монетъ этого типа отличается необыкновенною тщательностью отдѣлки и художественнымъ изображеніемъ фигуръ. На одной изъ монетъ, вокругъ фигуры Геркулеса, весьма явственно и великолѣпно отчеканено: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜ — „василеосъ *) Ефидемъ". Ефидемъ былъ третій бактрійскій царь.

Ко второй категоріи относились монеты куфическія (временъ первыхъ халифовъ); эти монеты были золотыя, серебряныя и мѣдныя, различныхъ размѣровъ.

Къ третьей категоріи принадлежали монеты христіанскія. Всѣ онѣ золотыя, величиною съ двугривенный. На одной изъ нихъ весьма явственно сохрани-

*) Василеосъ, по гречески, значитъ: царь, монархъ.

лась надпись: LVDOV. MANIN. DVX и на оборотной сторонѣ: RECIS. ISTE DVCA SIT. T. MPERATORV. На другой—на лицевой сторонѣ, выбито: DUTHEODOSIVS, PFAVC, а на оборотной: BONO VOTXX MVLTXXXS.

Къ четвертой категоріи относились монеты мусульманскія. Большая часть ихъ мѣдныя. Количество монетъ этого рода было громадное.

Кромѣ монетъ, намъ приносили и другія вещи, которыя считались бухарцами почему-либо диковинными или курьезными, и которыя они надѣялись сбыть намъ. Такъ, намъ приносили: сабельные клинки изъ дамасской стали; малые серебряные компасики, въ формѣ груши; русскіе серебряные кубки, съ изображеніемъ членовъ царской фамиліи; аптечный ящикъ графа Фердинанда Меаца, конфискованный у него въ 1863 году, и съ которымъ бухарцы не знали что дѣлать; секстантъ, оставшійся отъ Конноли; лекарство, оставшееся послѣ *генерала* *) Стоддарта, и проч. и проч.

Наконецъ, въ качествѣ курьеза, намъ приносили и книги. Кромѣ извѣстнаго сочиненія *Фирдуси* и „Исторіи Бухары“ *Наршахи*, книги не заслуживали никакого вниманія. По большей части это были поэмы въ родѣ „Еруслана Лазаревича“, съ такими же рисунками и виньетками. Въ числѣ мусульманскихъ книгъ

*) Такъ называютъ въ Бухарѣ англійскаго агента, казненнаго публично, вмѣстѣ съ Конноли, въ 1842 году, по приказанію эмира Назръ-Уллы.

принесена была однажды русская псалтырь. Кромѣ того, секретарь бухарскаго посольства, бывшаго въ 1869 году въ Петербургѣ, показывалъ библію, переведенную съ англійскаго на персидскій языкъ. Секретарь немало хвалилъ достоинство библіи, что удивило насъ, привыкшихъ видѣть въ мусульманахъ фанатиковъ, нетерпимо относящихся ко всему имъ чуждому.

О вѣротерпимости бухарцевъ мы могли заключить и по другому обстоятельству. Разъ, къ намъ привели, тоже какъ диковинку, абиссинца. По разспросамъ оказалось, что абиссинцевъ въ Бухарѣ находится человѣкъ восемь; всѣ они изъ Абиссиніи попали сначала въ Персію, гдѣ были захвачены туркменами и проданы въ неволю въ Бухару. Наши казаки были удивлены, узнавъ, что приведенный напоказъ *черный арапъ* исповѣдуетъ Іисуса Христа и св. Евангеліе; мы же, въ свою очередь, были удивлены тѣмъ, какимъ образомъ бухарцы дозволили абиссинцамъ оставаться при своей религіи и не принудили ихъ принять магометанство.

Русскіе люди, попадающіе въ Бухару, какъ бѣглые или какъ плѣнные, наоборотъ, всегда принуждаются къ принятію мусульманства. Бухарское правительство, въ этомъ случаѣ, смотритъ на религію какъ на залогъ, скрѣпляющій узы новаго подданнаго съ Бухарою, что, относительно русскихъ, весьма важно, такъ какъ, принадлежа къ высшей интелигенціи, они по-

стоянно подозрѣваются бухарцами въ тяготѣніи къ своей родинѣ и въ шпіонствѣ.

Одинъ изъ такихъ бѣглыхъ явился къ намъ съ цѣлью выпросить ходатайство о возвращеніи въ Россію.

Въ Бухарѣ онъ зовется султаномъ Газы-Касымовымъ, а въ Россіи именовался Де-Фульштейномъ Гербатомъ. Родился онъ въ Вильнѣ и воспитывался въ тамошнемъ благородномъ институтѣ; ѣздилъ заграницу, для усовершенствованія своего образованія изученіемъ медицины; но, на возвратномъ пути въ Россію, попалъ въ какую-то исторію, слѣдствіемъ которой была ссылка его въ Сибирь. Изъ Петропавловска онъ бѣжалъ сперва въ киргизскія степи, гдѣ промышлялъ въ качествѣ атамана шайки разбойниковъ, а потомъ бѣжалъ въ Коканъ, а отсюда въ Бухару.

Когда членами миссіи было объявлено ему, что позволеніе возвратиться въ Россію можетъ послѣдовать лишь вслѣдъ за признаніемъ сдѣланнаго преступленія, Гербатъ началъ придумывать различныя причины, вліявшія на его ссылку и побѣгъ. Ему, конечно, не вѣрили, вслѣдствіе чего, Гербатъ сталъ гадать на финиковыхъ косточкахъ.

— Я гадаю, сказалъ онъ, желая узнать, примутъ-ли меня въ Россіи и признаваться-ли мнѣ во всемъ?

— Ну, что? спросили мы, когда онъ окончилъ гаданье.

— Выходитъ хорошо, былъ отвѣтъ.

И, вслѣдъ затѣмъ, опять придумалъ не менѣе несообразную причину. Онъ сказалъ, что будто бы былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ революціонерами 1848 года, вслѣдствіе найденной у него книги съ египетскими гіероглифами, которые и были поводомъ къ его ссылкѣ въ Сибирь.

— Какъ и чѣмъ вы живете въ Бухарѣ? спросили его.

— Прежде я состоялъ на службѣ у эмира, обучалъ его войска, перевелъ на персидскій языкъ русскіе уставы, предлагалъ бухарцамъ устроить госпиталь для войскъ; но увидѣвъ, что узкій деспотизмъ эмира не позволяетъ ему выходить изъ предѣловъ своихъ личныхъ разсчетовъ и удовольствій, я бросилъ коронную службу и сталъ частнымъ человѣкомъ. Теперь я пользуюсь славою перваго бухарскаго доктора.

И дѣйствительно, Гербатъ знаетъ десятка два названій лекарствъ и нѣсколько болѣзней. Лекарства для бухарцевъ онъ выписываетъ изъ Москвы.

— Если бы вы знали, какъ тяжело европейски-образованному человѣку жить среди этихъ дикихъ варваровъ, погрязшихъ въ тинѣ деспотизма и невѣжества, жаловался Гербатъ и тутъ же сообщилъ, что знаетъ французскій, нѣмецкій и польскій языки и играетъ на фортепьяно; что, во время оно, проходилъ разныя мудреныя науки, въ числѣ которыхъ была и алхимія.

Долговременное пребываніе въ Бухарѣ и неумѣренное употребленіе опіума имѣло разрушительное вліяніе и на его организмъ, и на умственныя способности, такъ что даже у бухарцевъ онъ слыветъ за юродиваго.

Въ ожиданіи отвѣта на письмо къ кушъ-беги, прошло нѣсколько дней. Положеніе русской миссіи становилось тягостнымъ. Посылаемые въ городъ наши лазутчики приносили неутѣшительныя извѣстія. Дѣло въ томъ, что русская миссія, по пріѣздѣ въ Бухару, застала афганское посольство, отъ Ширъ-Али-хана. Интересы афганцевъ были діаметрально противоположны русскимъ интересамъ. Афганцы, поддерживаемые англичанами, требовали у эмира позволенія построить крѣпость на Аму-Дарьѣ съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать сообща противъ Россіи. Въ доказательство своей силы они увѣряли, что 12-тысячное войско Ширъ-Али-хана стоитъ уже на Аму-Дарьѣ. Въ случаѣ отказа эмира, они грозили ему войною. Кромѣ того, кабульское посольство гнѣвалось на эмира за великолѣпный пріемъ, сдѣланный имъ русскому посольству; оно даже хотѣло удалиться изъ Бухары, но осталось по настояніямъ эмира.

Поставленный между двухъ огней, эмиръ Музафаръ долгое время колебался относительно того, чьей стороны держаться. Одно время онъ уже склонялся на сторону афганцевъ, такъ что въ городѣ стали ходить

слухи о союзѣ, заключенномъ Бухарою съ Ширъ-Алиханомъ, и о войнѣ съ русскими; но, наконецъ, русская политика восторжествовала: эмиръ совершенно склонился на сторону русскихъ. На жалобы и представленія афганцевъ онъ пересталъ обращать вниманіе, и, напротивъ, усиленно сталъ заискивать сближенія съ нами.

7-го іюня эмиръ прислалъ къ агенту своего довѣреннаго, по имени Миръ-Ахмета, бывшаго секретаремъ въ бухарскомъ посольствѣ съ Абдулъ-Фаттахъханомъ, и отличающагося между бухарцами смышленостію, выходящею изъ ряда обыкновенныхъ.

Миръ-Ахметъ пришелъ съ отвѣтомъ на письмо агента къ кушъ-беги, которое было доложено эмиру. Эмиръ по всѣмъ пунктамъ сдѣлалъ уступки справедливымъ требованіямъ русскаго правительства. Что же касается до желанія членовъ миссіи ѣздить по Бухарѣ, то Миръ-Ахметъ просилъ, чтобы мы, если можно, не требовали этого, потому что, въ силу коренныхъ законовъ въ священной Бухарѣ, иностранцы не имѣютъ права разъѣзжать верхомъ по улицамъ. „Ходить же пѣшкомъ“, прибавилъ секретарь, „вамъ самимъ будетъ непріятно“.

Относительно того, чтобы показать войска и казармы, довѣренный эмира сообщилъ, отъ имени своего владыки, что эта часть у нихъ такъ несовершенна, что и показывать ее совѣстно; что если русскіе желаютъ дружбы и мира Бухары, то пусть пришлютъ своихъ литейщиковъ, ружейниковъ, солдатъ и офице-

ровъ для обученія бухарцевъ. Тогда военныя средства Бухары поправятся на столько, что армію бухарскую можно будетъ показывать иностранцамъ.

Агентъ, не обнадеживая бухарца, сообщилъ ему, что эмиръ можетъ все это изложить въ письмѣ къ туркестанскому генералъ-губернатору и что онъ письмо отвезетъ въ Ташкентъ. Вслѣдъ за тѣмъ агентъ разъяснилъ бухарскому повѣренному, что дружба туркестанскаго генералъ-губенатора къ Бухарѣ надежнѣе дружбы всѣхъ сосѣднихъ мусульманскихъ державъ и что разсчитывать на афганцевъ эмиру будетъ слишкомъ рискованно.

Повѣренный эмира, довольный исходомъ переговоровъ, поспѣшилъ къ себѣ, чтобы написать *арсъ* (докладъ) своему повелителю.

На другой день эмиръ, желая угодить миссіи, рѣшился, вмѣсто войскъ, щегольнуть передъ нами своею капеллою. Онъ велѣлъ снарядить своихъ лучшихъ музыкантовъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пѣвцы, и прислалъ къ намъ.

Часовъ въ восемь вечера, музыканты, въ числѣ семи человѣкъ, въ сопровожденіи Миръ-Ахмета, явились въ посольскій садъ. Они принесли съ собою груду инструментовъ, которые, какъ кажется, составляли полный среднеазіятскій оркестръ, за исключеніемъ громадныхъ трубъ, особаго рода барабановъ и нѣкоторыхъ другихъ. Инструменты придворныхъ музыкантовъ

были слѣдующіе: 1) *дутара* (что значитъ: двѣ струны), въ родѣ двухструнной балалайки; 2) *тамбуръ*-балалайка, съ тремя длинными миталическими струнами; 3) *кобызъ*—своего рода віолончель съ двумя волосяными струнами; 4) *зизакъ*—тоже въ родѣ віолончели, только съ тремя металическими струнами; 5) флейта; 6) *кокчей* — два кларнета, на которыхъ музыкантъ играетъ разомъ; 7) рожокъ и 8) неизмѣнные *чильмандары*—родъ бубенъ.

Музыкантами дирижировалъ придворный шутъ, плясунъ и капельмейстеръ. Среднеазіятская музыка находится въ томъ періодѣ, когда звуки инструмента не отдѣляются отъ напѣва. Играющій вмѣстѣ съ тѣмъ и поетъ. Часто къ напѣву присоединяется и пляска, но пляшетъ лицо постороннее.

Среднеазіятская музыка въ высшей степени уныла, монотонна и однообразна, какъ природа, на лонѣ которой она возникла и развилась. Однако и въ ней встрѣчаются мотивы, хотя дикіе, но тѣмъ не менѣе нелишенные прелести по своей оригинальности. Музыкальные мотивы Средней Азіи, по всей вѣроятности, послужатъ матеріяломъ для европейскихъ виртуозовъ при композиціи оперъ и балетовъ изъ восточной жизни. Особеннаго вниманія заслуживаютъ среднеазіятскіе марши. Нѣтъ сомнѣнія, что музыка въ Бухару и вообще въ Туранъ перешла изъ Персіи; но, независимо отъ персидскихъ мотивовъ, въ Средней Азіи существуютъ

и свои мотивы, выработанные чисто-тюркскимъ племенемъ.

Если о среднеазіятской музыкѣ можно сказать, что она нелишена интереса и ожидаетъ научной разработки, то нельзя сказать того же относительно среднеазіятскаго пѣнія. Безобразнѣе туранской пѣсни ничего себѣ представить нельзя: ни одной правильной ноты, ни одного сколько-нибудь пріятнаго звука. Субъектъ, услаждающій публику пѣніемъ (я не хочу сказать пѣвецъ), не поетъ, а выкрикиваетъ звуки, и чѣмъ напряженнѣе, чѣмъ диче эти звуки, тѣмъ больше удовольствія и публикѣ, и крикуну. Поющій поднимаетъ голову вверхъ и закатываетъ глаза; жилы его наливаются кровью и онъ то завываетъ волкомъ, то мяукаетъ кошкою, то реветъ верблюдомъ. Одинъ изъ нашихъ музыкантовъ, оравшій самымъ безпощаднымъ образомъ, возбуждалъ наибольшій восторгъ въ своихъ азіятскихъ слушателяхъ.

— Каково поетъ! голосъ-то каковъ? постоянно повторялъ Миръ-Ахметъ, бывшій недавно въ Петербургѣ, слышавшій итальянскую оперу и даже описавшій ее персидскими стихами.

Слова среднеазіятскихъ пѣсенъ, по большей части, безсодержательны. Туранцы могутъ пѣть цѣлый день и не дать себѣ отчета въ томъ, что поютъ: что взбредетъ на умъ въ данный моментъ, то и поютъ.

Когда пѣніе и музыка достаточно утомили всѣхъ,

придворный шутъ взялся развеселить и позабавить насъ. Онъ началъ кривляться, поводя послѣдовательно различными мускулами своего тѣла, начиная отъ кожи на головѣ. Затѣмъ началъ плясать, прищелкивая пальцами и производя неприличныя движенія корпусомъ. Азіятская публика была въ неописанномъ восторгѣ.

Шутъ человѣкъ уже старый; въ Бухарѣ онъ играетъ роль совершенно такую же, какую играли шуты у насъ въ Россіи еще въ прошломъ вѣкѣ и въ западной Европѣ въ XVII столѣтіи. Старикъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и острякъ, и неприличіе его движеній и выходокъ, конечно, не можетъ быть поставлено ему въ вину.

Послѣ пляски, шутъ, подъ звуки музыки, началъ давать свои забавныя представленія, основанныя на еще болѣе безобразныхъ и неприличныхъ сюжетахъ. Сперва былъ на сценѣ *козелъ*, потомъ *лошадь*, и затѣмъ *воробей*.

Комизмъ состоялъ въ томъ, что шутъ издѣвался надъ личностію изображаемаго имъ животнаго, вымазывая ему грязью физіономію, отпуская полновѣсные удары плетью и пр. Чѣмъ звончѣе сыпались удары, тѣмъ удовольствіе азіятской публики было больше; оно достигало высшей степени, когда выходки шута дѣлались циническими, и притомъ въ чисто-азіятскомъ вкусѣ.

„Вотъ она старая Русь!“ думалъ я, вспоминая время препровожденіе и забавы нашихъ предковъ.

Когда шутъ кончилъ свою послѣднюю мистерію, онъ внезапно провозгласилъ многолѣтіе эмиру, чѣмъ и закончился спектакль.

Само собою разумѣется, что агентъ миссіи не поскупился на похвалы музыкантамъ и, благодаря эмира за удовольствіе, велѣлъ передать ему, что такою музыкою могъ угостить только владѣтель такой благословенной страны, какъ Бухара.

Похвалы польстили самолюбію эмира и онъ, желая окончательно расположить къ себѣ русскую миссію и очаровать ее бухарскими диковинками, приказалъ, на слѣдующій день, показать намъ придворный балетъ. Вечеромъ, вмѣстѣ съ музыкантами, присланы были и плясуны.

Въ Средней Азіи пляшутъ только мальчики, именуемые *бачами*. Бачи для пляски наряжаются въ женскій костюмъ, со множествомъ мелкихъ бубенчиковъ на рукахъ и ногахъ, и съ косами изъ лошадиныхъ волосъ. Въ пляскѣ бачей замѣчательна грація ихъ движеній и проворство пируетовъ, которые они дѣлаютъ съ изумительною быстротой. Все искуство бачей вертится почти исключительно на возбужденіи чувственности въ зрителяхъ и, надо отдать имъ полную справедливость, они достигаютъ своей цѣли съ успѣхомъ. Прищуриваніе и закатываніе глазъ, томное движеніе мускуловъ лица, сладострастное размахиваніе рукъ и судорожное подергиваніе всѣмъ корпусомъ—все

это производитъ на азіятскую публику потрясающее дѣйствіе и поражаетъ ее словно электрическимъ токомъ. Она то млѣетъ и замираетъ, то реветъ отъ восторга. Посидѣть возлѣ бачи, пожать ему руку, дать отпить чаю изъ своей чашки — считается высшимъ блаженствомъ для азіятца.

Нельзя безъ грусти смотрѣть на подобное извращеніе нравовъ. Женщина, изгнанная кораномъ изъ среды общества и упрятанная въ самую непроглядную глубь гарема, замѣнена мальчиками, исполняющими роль женщинъ.

Женская красота здѣсь никогда не вліяла благотворно на мужчину; она никогда не возбуждала въ немъ благородныхъ чувствъ и не вдохновляла ни на какіе геройскіе подвиги. Вліяніе женской красоты здѣсь замѣнено извращеннымъ вліяніемъ красоты мужской; чувство любви къ женщинѣ промѣнено на противоестественную чувственную любовь къ мальчику, и эта любовь вошла даже въ поэзію, будучи воспѣваема не только въ народныхъ пѣсняхъ, но даже въ стихахъ знаменитѣйшихъ и образованнѣйшихъ восточныхъ поэтовъ: Саади и Гафиза. Житель Востока, безнадежно влюбленный въ бачу, разгоняетъ свою тоску тѣмъ, что приглашаетъ къ себѣ пѣвцовъ, которые поютъ ему про любовь какого-нибудь хана или эмира, находившагося въ такомъ же точно положеніи. Въ пѣснѣ воспѣвается, какъ такой-то ханъ, будучи страстно

влюбленъ въ бачу, сулилъ ему полъ-царства за одну улыбку, и какъ бача долго оставался глухъ къ голосу своего владыки. Слушатель, въ это время, проливаетъ горючія слезы; но, по мѣрѣ того, какъ въ пѣснѣ бача смягчается и сердечныя дѣла хана поправляются, слушатель, воображая себя на мѣстѣ сказочнаго героя, ободряется, питаясь надеждою, что и его любовь будетъ услышана. Заключеніе браковъ à la Неронъ и Геліогобалъ сдѣлалось въ Азіи дѣломъ обычнымъ.

. . . . . .

Такъ какъ цѣль русскаго посольства была достигнута, то оставаться дольше въ Бухарѣ не было надобности; поэтому агентъ миссіи отправилъ къ кушъ-беги письмо, въ которомъ сообщилъ ему день, когда миссія должна оставить Бухару. Кушъ-беги отвѣтилъ агенту, что препятствій къ выѣзду русскаго посольства не имѣется и что, наканунѣ отъѣзда, эмиръ желаетъ принять миссію у себя.

17-го іюня, за день передъ отъѣздомъ изъ Бухары, послѣ полудня, намъ были присланы отъ эмира подарки, которые состояли въ слѣдующемъ: агенту пожалована лошадь со сбруею, три халата и 2 тысячи тенегъ (400 рублей); офицерамъ и чиновникамъ по два халата и по 400 тенегъ (80 р.); нижнимъ чинамъ по одному халату и 40 тенегъ (8 р.). Какъ ни отказывались члены миссіи отъ денегъ, но бухарцы убѣдительнѣйше настаивали, говоря, что деньги, по ихъ

обычаю, суть лучшіе знаки выраженія дружбы и пріязни.

Передъ вечеромъ, когда спала жара, насъ пригласили къ эмиру. Обстановка при прощальной аудіенціи у эмира была такая же, какъ и при пріемѣ. Агентъ благодарилъ его высокостепенство за радушіе, оказанное русской миссіи въ Бухарѣ, и выразилъ надежду, что миръ между двумя сосѣдними странами не будетъ нарушенъ. Эмиръ отвѣчалъ, что сохраненіе мира было всегда его завѣтнымъ желаніемъ, что если происходили какія-нибудь несогласія, то они были слѣдствіемъ или недоразумѣній, или неправильнаго пониманія „своихъ книгъ“ *).

— Теперь, прибавилъ эмиръ,—я исполнилъ все, что ни требовалъ генералъ-губернаторъ, и впередъ приму всѣ мѣры къ тому, чтобы несогласія между сосѣдями не возникали больше.

— Молю Бога, возразилъ агентъ, чтобы слова вашего высокостепенства сбылись. Мнѣ пріятно будетъ передать ваши слова генералъ-губернатору, который несказанно обрадуется принятому вами рѣшенію.

— Теперь государство бухарское слилось съ русскимъ и составляетъ съ нимъ одно, отвѣчалъ эмиръ.—Живя

*) Надо замѣтить, что причиною войны бухарцевъ съ русскими были подстрекательства фанатическаго духовенства (мулъ), которое будто бы находило въ «своихъ книгахъ» повелѣніе божества идти противъ невѣрныхъ и изгнать ихъ изъ Турана.

въ Бухарѣ, вы жили какъ бы у себя дома. Мы старались дѣлать все пріятное и угодное не только вамъ, но и вашимъ купцамъ. Передайте генералъ-губернатору, что отнынѣ русскіе люди всегда будутъ встрѣчаемы въ Бухарѣ, какъ дома.

Распростившись съ эмиромъ, мы сдѣлали визитъ его сыну Абдулъ-Фаттахъ-хану. Молодой принцъ принялъ насъ въ какомъ-то довольно грязномъ и непривлекательномъ флигелѣ. Онъ сидѣлъ въ углу двухъ узкихъ и низкихъ коридорчиковъ, на простомъ полушелковомъ одѣялѣ, стеганомъ на ватѣ. Кушъ-беги, все время стоявшій, когда мы были у эмира, у принца не только усѣлся безъ приглашенія, но даже тотчасъ овладѣлъ разговоромъ съ агентомъ. Онъ просилъ агента передать генералъ-губернатору, что, „пока нынѣшній эмиръ живъ и пока будутъ жить его доброжелатели, Бухара не сдѣлаетъ ни одного шага къ тому, чтобы навлечь на себя хотя тѣнь неудовольствія Россіи“.

Размѣнявшись дипломатическими любезностями съ принцомъ и министромъ, агентъ и мы удалились.

Передъ воротами насъ задержали на нѣсколько минутъ: нужно было сбѣгать къ эмиру за „отвѣтомъ“. „Отвѣтъ“ означалъ благословеніе и позволеніе идти. И то, и другое было дано—и мы отправились.

На другой день (18-го іюня) миссія, въ сопровожденіи шихаула, торжественно выѣхала изъ Бухары, пробывъ въ столицѣ средней Азіи 27 дней.

V.

Городъ Бухара.

Внѣшній видъ Бухары.—Обиліе кладбищъ внутри города.—Мечети и медресе.—Караванъ-сараи; базары.—Бани; пруды.—Господствующія болѣзни. — Климатъ. — Населеніе. — Зависимость Бухары отъ Россіи въ комерческомъ отношеніи.—Англійскіе товары на бухарскихъ рынкахъ. — Зависимость Бухары отъ Россіи въ земледѣльческомъ отношеніи.—Свѣденія о военныхъ силахъ Бухары.—Русскіе бѣглецы въ Бухарѣ.

Городъ Бухара имѣетъ въ окружности около 10 верстъ, а въ поперечникѣ не болѣе $2\frac{3}{4}$ верстъ. Глиняная стѣна, высотою около трехъ съ половиною саженъ, окружаетъ городъ. Стѣна, какъ водится, зубчатая, съ башнями. Передъ стѣною, на большей части ея протяженія, нѣтъ эспланады, и вообще стѣна эта никакой серьезной защиты отъ нападенія европейскихъ войскъ не представляетъ. Въ стѣнѣ одинадцать воротъ.

Бухара хотя и слыветъ какъ бы столицею всей средней Азіи и центромъ мусульманства, однако не не отличаетсяне только блескомъ, но даже просто чистотою. Этотъ городъ также грязенъ и безобразенъ, какъ и всѣ среднеазіятскіе города. Та-

кія же узкія, кривыя, вымощенныя крупнымъ булыжникомъ улицы; такія же сѣрыя, невзрачныя сакли, уныло расположенныя безъ всякаго порядка.

Относительно постройки жилищъ Бухара только тѣмъ и отличается отъ другихъ среднеазіятскихъ городовъ, что имѣетъ много двухъ-этажныхъ саклей. За то эти сакли расположены тѣснѣе, а въ городѣ весьма мало садовъ, составляющихъ единственную отраду, утѣшеніе и, пожалуй, очарованіе въ другихъ среднеазіятскихъ городахъ—въ Ташкентѣ, въ Ходжентѣ, въ Коканѣ и въ Самаркандѣ.

Основываясь на распросныхъ свѣденіяхъ, мы узнали что въ Бухарѣ считается 15 тысячъ домовъ. Полагая на каждый домъ по 5 душъ населенія, получимъ для всей Бухары населенность въ 75 тысячъ душъ. Такимъ образомъ, по населенію, Бухара равняется Ташкенту, хотя и расположена гораздо тѣснѣе его.

Особенность внѣшней физіономіи Бухары составляетъ обиліе кладбищъ внутри города. Здѣсь жилища мертвыхъ и живыхъ перемѣшаны, и, странное дѣло, относительно прочности и щегольства постройки, первыя имѣютъ преимущество передъ послѣдними. Живые обитаютъ въ тѣсныхъ, низкихъ, грязныхъ конурахъ, слѣпленныхъ изъ комковъ глины и разваливающихся не только отъ землетрясеній, но и отъ собственной тяжести; мертвые же помѣщаются въ могилахъ, устроенныхъ изъ обожженнаго кирпича и имѣющихъ видъ

трехгранныхъ призмъ. Выводятся собственно только двѣ грани, которыя дѣлаются нѣсколько выпуклыми, такъ что образуется нѣчто въ родѣ стрѣльчатаго свода. Покойника, обернувъ въ саванъ, кладутъ на землю въ устроенную такимъ образомъ гробницу и закладываютъ ее съ обоихъ концовъ камнями.

Такъ какъ Бухара считается городомъ „священнымъ“, то и почва, на которой она расположена, также признается „святою“; вотъ почему всякому ревностному мусульманину желательно быть похороненнымъ на „святой землѣ“. Но такъ какъ мѣста въ городѣ мало, а число покойниковъ постоянно возрастаетъ, то послѣднія убѣжища бренному тѣлу бухарцевъ воздвигаются на тѣхъ же самыхъ кладбищахъ, которыя распространяются вверхъ, и могилы лѣпятся одна надъ другою, образуя ярусы.

Вторую особенность Бухары составляетъ обиліе мечетей, число которыхъ, по увѣренію бухарцевъ, равняется числу дней въ году. Мечети зачастую устроены при медресе, которыхъ считается до 140. Мечети, какъ и медресе, большого вниманія не заслуживаютъ. Лучшія, конечно, тѣ, которыя были воздвигнуты въ старину, но здѣшніе памятники старины далеко уступаютъ самаркандскимъ. Бухарскія мечеты и медресе имѣютъ видъ тяжелыхъ, каменныхъ массъ, въ родѣ казармъ, непоражающихъ даже своею грандіозностью.

Лучшею мечетью считается мечеть „Калянъ“ (боль-

шая), которую по пятницамъ посѣщаетъ эмиръ, и стоящая напротивъ нея мечеть „Миръ-арабъ“. На небольшой площадкѣ, между этими двумя мечетями, выстроена высокая, довольно щегольская башня, съ которой, по повелѣнію эмира, сбрасываются виновные на мостовую.

Нѣкоторыя мечети и медресе увѣнчаны аистовыми гнѣздами, владѣльцы которыхъ безмятежно, изъ рода въ родъ, передаютъ свое наслѣдіе, пользуясь почетомъ и уваженіемъ народнымъ.

Медресе наполнены учащимися, которые стекаются сюда не только изъ разныхъ концовъ Азіи (изъ Персіи, Афганистана, Индіи), но даже и изъ Россіи (съ поволожскихъ губерній). Поглотивъ всю мусульманскую мудрость, состоящую въ изученіи корана и толкованіи на него, ученики возвращаются во-свояси и дѣлаются муллами. Такимъ образомъ, въ духовномъ отношеніи, Бухара разыгрываетъ, въ мусульманскомъ мірѣ, роль Рима въ мірѣ католическомъ.

Но если въ Бухарѣ многочисленъ класъ духовенства, то еще болѣе многочисленъ класъ торговыхъ людей. Народъ бухарскій, по преимуществу, торговый. Бухара, находясь въ центрѣ караванныхъ путей, связывающихъ востокъ и югъ Азіи съ Европою, издревле усвоила себѣ меркантильный складъ, такъ что купцы бухарскіе проникаютъ гораздо далѣе, чѣмъ муллы. И, во всякомъ случаѣ, бухарскимъ купцамъ слѣдуетъ от-

дать преимущество передъ учеными. Послѣдніе разносятъ съ собою лишь мертвящія начала обрядовой стороны мусульманства, изувѣрства и фанатизма, тогда какъ первые, обмѣнивая произведенія различныхъ странъ, способствуютъ сближенію народовъ, и, надобно отдать имъ справедливость, ведутъ свои дѣла умѣючи.

Бухара славится также своими базарами. Базарныя помѣщенія, мѣстами, выведены довольно капитально изъ камня; но, несмотря на то, лавочки въ нихъ сооружены все-таки миніатюрныя, похожія больше на каменные мѣшки, чѣмъ на настоящія европейскія лавки. Ничтожное количество товаровъ въ такихъ лавкахъ не даетъ выгоднаго понятія о бухарской торговлѣ; но судить по нимъ о всей торговлѣ было бы ошибочно: въ лавчонкахъ сидятъ одни мелочники, торгующіе въ кредитъ и забирающіе товаръ у болѣе крупныхъ купцовъ, товары которыхъ расположены въ складахъ, именуемыхъ *караванъ-сараями*.

Караванъ-сараевъ въ Бухарѣ считается до 50. Постройка ихъ отличается большею капитальностью и щеголеватостью, чѣмъ въ другихъ среднеазіятскихъ городахъ. Каждая національность имѣетъ свой караванъ-сарай. Такъ русскіе купцы, пріѣзжая изъ Россіи, складываютъ свои товары въ *Алимъ-сарай*, вмѣщающемъ въ себѣ до 1,500 верблюдовъ; русскіе татары (прикащики и довѣренные)—въ *Нагай-сарай*, разсчитан-

номъ на 2,000 верблюдовъ; афганцы имѣютъ свой сарай и т. д.

Оптовая торговля производится въ этихъ сараяхъ и здѣсь же происходитъ взиманіе торговыхъ пошлинъ, зякета, въ размѣрѣ $2^1/_2\%$ съ мусульманъ и русскихъ, и 5% съ не-мусульманъ.

Къ числу общественныхъ зданій въ Бухарѣ слѣдуетъ отнести бани, которыя, во всѣхъ мусульманскихъ городахъ, составляютъ существенную необходимость. Въ Бухарѣ считается до 20 банъ. Передъ разсвѣтомъ, жители пробуждаются протяжнымъ и заунывнымъ звукомъ рожка, приглашающимъ правовѣрныхъ въ бани для совершенія положеннаго по закону омовенія. Вечеромъ, по такому же трубному звуку, приглашаются женщины.

Иногда дѣлается разрѣшеніе правовѣрнымъ купаться въ общественныхъ прудахъ; впрочемъ, это дозволяется больше въ видѣ баловства.

Общественные пруды (хаузы) въ Бухарѣ — ея гордость. Ихъ насчитываютъ свыше 80. Пруды отличаются большими размѣрами и лучшимъ устройствомъ, чѣмъ въ другихъ среднеазіятскихъ городахъ. Они, въ большинствѣ случаевъ, хорошо вымощены камнемъ и почти всѣ оттѣнены деревьями.

Лучшимъ изъ прудовъ считается резервуаръ „диванъ-беги“ (Ляби хаузъ диванъ-беги), вокругъ котораго, въ тѣни деревъ, расположены чайныя лавки, съ

вѣчно-кипящими самоварами, приманивающими къ себѣ многочисленную публику. Кромѣ „чаенъ“ тутъ же расположены, подъ навѣсами изъ циновокъ (въ родѣ грибка), продавцы фруктовъ, хлѣба и разныхъ другихъ снѣдей неприхотливой азіятской стряпни. Толпы народа, съ утра до ночи, копошатся здѣсь: это мѣсто самое бойкое и привлекательное во всей Бухарѣ.

Пруды наполняются водою изъ главнаго канала „Шахри-рудъ“, который беретъ начало изъ Заршана. Шахри-рудъ входитъ въ Бухару съ восточной стороны и выходитъ съ западной. Протекая все время по илисто-солонцоватому дну, вода Шахри-руда мутится. Затѣмъ, будучи напущена въ пруды, она мѣняется лишь недѣли черезъ двѣ. Въ теченіе этого времени, вода до того засаривается и портится,—частію сама собою, какъ всякая стоячая вода, частію вслѣдствіе врожденной нечистоплотности азіятцевъ, сваливающихъ въ воду всякую дрянь,—что порождаетъ различныя накожныя и внутреннія болѣзни, извѣстныя только азіятцамъ. Сюда относится болѣзнь *ярря-аугани* (афганская язва), названная русскими *сартовскою болѣзнью*. Болѣзнь эта, извѣстная во всѣхъ среднеазіятскихъ городахъ, оставляетъ послѣ себя явственные слѣды. Происходя отъ наружнаго употребленія воды, она, въ большинствѣ случаевъ, поражаетъ части организма, болѣе всего приходящія въ соприкосновеніе съ отравленною водою, т. е. лицо и руки.

Другая интересная болѣзнь *ришта* (filaria medinensis) происходитъ, какъ кажется, отъ внутренняго употребленія воды. „Риштою“ называется тонкій, бѣлый червь, толщиною и цвѣтомъ похожій на вермичелину. Длина червя доходитъ до одного аршина. Болѣзнь начинается опухолью, причемъ иногда чувствуется сильная ломота въ костяхъ, внутренній жаръ, сухость во рту и жажда. Опухоль превращается въ нарывъ, который прорывается и обнаруживаетъ „ришту“. Тогда ее осторожно вынимаютъ, стараясь не оборвать. Въ случаѣ разрыва червя, послѣдній уходитъ далеко во внутрь и тогда его извлечь уже гораздо труднѣе. Болѣзнь эта поражаетъ, по преимуществу, ноги. Самое лучшее средство избѣжать ришты — пить отварную воду.

Царство „ришты“ — Бухара; но она, кромѣ того, существуетъ еще въ Катты-Курганѣ и Джизакѣ, такъ какъ оба эти пункта, относительно проточной воды, находятся почти въ одинаковыхъ условіяхъ съ Бухарою. Въ Европѣ „ришта“, какъ кажется, неизвѣстна, но въ Малоросіи существуетъ народное повѣрье, намекающее на „ришту“. Народонаселеніе южной Россіи перестаетъ купаться въ рѣкахъ послѣ Ильина дня (20 іюля) на томъ основаніи, что, съ этого времени, вода *зацвѣтаетъ* и конскій волосъ, оставшійся въ водѣ, пріобрѣтаетъ способность оживать. Оживленный волосъ, подъ именемъ *волосатика*, проникаетъ въ ту-

ловище и преимущественно въ ноги недальновиднаго купальщика и причиняетъ ему опасную болѣзнь, оканчивающуюся антоновымъ огнемъ. Повѣріе это весьма распространено въ Малоросіи, хотя „ришты“ тамъ, по всей вѣроятности, никто не находилъ. Есть основаніе думать, что легенда о волосатикѣ занесена туда изъ средней Азіи. Благодаря этой легендѣ, народъ держится въ спасительномъ страхѣ и предохраняется, если не отъ волосатика, то отъ другихъ болѣзней, сопряженныхъ съ употребленіемъ портящейся воды.

Кромѣ „ришты“ изъ наружныхъ болѣзней въ Бухарѣ довольно распространена *пись* или *мяхау*. Эта болѣзнь состоитъ въ появленіи бѣлыхъ, молочнаго цвѣта, пятенъ по тѣлу и въ общей слабости организма. Болѣзнь прилипчива, почему всѣхъ заболѣвающихъ ею удаляютъ изъ общества. Въ Бухарѣ существуетъ особый кварталъ (домовъ въ 500), населенный больными „письею“. Всякое общеніе съ ними строго воспрещено. Въ Самаркандѣ, въ Ташкентѣ и въ другихъ большихъ городахъ средней Азіи больныхъ „письею“ выселяютъ за городъ, въ особые кишлаки (деревни).

Кромѣ поименованныхъ болѣзней въ Бухарѣ чрезвычайно распространены *глазныя болѣзни*, вслѣдствіе совокупнаго вліянія ослѣпительнаго солнечнаго свѣта, громадной пыли и дурной воды, затѣмъ сифилисъ и оспа.

Болотныя окрестности Бухары и вредные міазмы отъ испаренія ихъ, а также быстрота переходовъ отъ дневнаго зноя къ вечерней прохладѣ, порождаютъ лихорадки и горячки; излишнее употребленіе недозрѣвшихъ фруктовъ, составляющихъ во всей средней Азіи главную пищу въ теченіе большей части года, производитъ желудочныя болѣзни. Кромѣ того, имѣютъ здѣсь мѣсто—чахотка, сухотка и проч.

Такимъ образомъ въ Бухарѣ можно встрѣтить всевозможныя болѣзни, какія только существуютъ, или, по крайней мѣрѣ, извѣстны въ европейской медицинѣ.

Несмотря на то, климатъ Бухары нельзя считать вреднымъ для здоровья. Благодаря высокому положенію надъ уровнемъ моря (на 1,200 футовъ по Борнсу), Бухара пользуется довольно умѣреннымъ климатомъ. Мы пріѣхали въ Бухару въ самое непривлекательное время года, когда стояли сильныя жары, было полное безвѣтріе и въ прудахъ и въ арыкахъ не находилось ни капли воды. Жители пили воду исключительно изъ колодцевъ, которыхъ въ Бухарѣ довольно много. Въ воздухѣ стояла страшная сухость. Но вскорѣ подулъ сѣверный и сѣверо-восточный вѣтеръ и, въ тоже время, пришла вода съ верхняго Зарявшана. Пруды и арыки наполнились живительною влагою, городъ освѣжился и встрепенулся.

Вотъ результаты метеорологическихъ наблюденій, сдѣланныхъ во время нашего пребыванія въ Бухарѣ.

	Наибольшая темпер. въ град. по Р.	Наименьшая темпер. въ град. по Р.
24-го мая.	28	19
25-го —	28	20
26-го —	28	19
27-го —	28	19
29-го —	30	20
30-го —	30	20
31-го —	30	20
1-го іюня.	30	20
2-го —	32	21
3-го —	32	22
4-го —	33	22
5-го —	32	20
6-го —	29	20
7-го —	32	22
8-го —	31	22
9-го —	29	21
10-го —	29	20
11-го —	30	20
12-го —	30	20
13-го —	29	20
14-го —	30	21
15-го —	26	22
16-го —	27	20
17-го —	29	20

Населеніе Бухары отличается необыкновеннымъ раз-

нообразіемъ. Оно состоитъ изъ таджиковъ (иранскаго происхожденія) и узбековъ (тюркскаго); затѣмъ изъ аравитянъ, евреевъ, индусовъ, персіянъ и небольшаго числа русскихъ бѣглыхъ. Всѣ эти народности находятся въ постоянномъ антагонизмѣ, вслѣдствіе племенной вражды. Этотъ-то антагонизмъ и есть причина, почему изъ бухарскаго ханства не могло выйдти сколько-нибудь крѣпкаго организма. Въ настоящее время пунктомъ соединенія и упованія всѣхъ народностей Бухары служитъ Россія. Населеніе ожидаетъ, вмѣстѣ съ приходомъ русскихъ, избавленія отъ различныхъ бѣдствій, такъ что Бухару теперь уже на половину можно считать русскимъ городомъ.

Евреи, униженные мусульманскимъ правомъ до такой степени, что ихъ даже непозволено имѣть рабами, издавна смотрѣли на русскихъ, какъ на своихъ избавителей. Во время нашего пребыванія въ Бухарѣ, осматривая еврейскую синагогу (кинесу) и удивляясь ея бѣдности и ничтожности, мы спросили: почему евреи не выстроятъ себѣ лучшей? Намъ отвѣчали, что бухарское правительство не позволяетъ, но что евреи надѣятся на русскихъ, которые, въ скоромъ времени, соорудятъ имъ хорошее зданіе. Евреевъ въ Бухарѣ свыше двухъ тысячъ; они живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ, въ восточной части города.

Индусы въ такомъ же угнетеніи, какъ и евреи, почему также желаютъ прихода русскихъ, надѣясь, подъ

сѣнью ихъ власти, заниматься безопасно денежными оборотами — ихъ обычнымъ занятіемъ.

Персіяне живутъ въ Бухарѣ или какъ рабы, или какъ отпущенники, часто достигающіе высшихъ государственныхъ степеней. Прежде въ Бухарѣ существовалъ невольничій базаръ, на которомъ персіяне и персіянки продавались какъ вьючная скотина. Но, съ занятіемъ русскими Самарканда, когда множество рабовъ бѣжали изъ Бухары въ этотъ городъ, гдѣ они были освобождены русскимъ правительствомъ, невольничій рынокъ въ Бухарѣ упразднился отъ боязни покупщиковъ, что купленное добро можетъ сбѣжать. И теперь въ Бухарѣ насчитываютъ еще до десяти тысячъ рабовъ и, нѣтъ никакого сомнѣнія, что они изо-дня на день ждутъ своего избавленія. Во время нашего пути изъ Бухары, не доходя до кишлака Миръ, мы встрѣтили мальчика, который велъ двухъ верблюдовъ. Поровнявшись съ миссіею, онъ закричалъ раздирающимъ душу голосомъ: „русскіе, я рабъ, освободите меня!“ Сопровождавшій насъ бухарскій чиновникъ громко расхохотался на возгласъ малютки, слова котораго болѣзненно отозвались въ сердцѣ каждаго изъ насъ; но увы! мы ничего не могли сдѣлать для него и только украдкою бросили ему нѣсколько монетъ.

Что-же касается до таджиковъ и узбековъ, то и они, несмотря на все различіе въ вѣрѣ, смотрятъ на

русскихъ какъ на своихъ друзей, вслѣдствіе тяжкаго ярма, наложеннаго на нихъ эмиромъ. Музафаръ-Эддинъ (нынѣшній эмиръ), въ началѣ своего царствованія стяжавшій благословеніе и любовь народа, теперь заслужилъ ненависть и презрѣніе. Справедливости, которою онъ прежде руководился, теперь не существуетъ.

Народъ заваленъ налогами. Хераджъ (поземельная подать) платится въ размѣрѣ $^1/_3$ урожая, тогда какъ, по шаріяту (мусульманскому праву), слѣдуетъ платить лишь $^1/_5$; танапъ также увеличенъ. Кромѣ того, наложены другіе виды податей, которыхъ прежде не было. Предметы жизни вздорожали. Къ довершенію бѣдствій, пошли неурожаи. Народъ, какъ онъ ни вышколенъ путемъ продолжительнаго деспотизма и гнета, началъ роптать. Для удержанія черни въ повиновеніи, эмиръ и его правительство нашли нужнымъ прибѣгать къ частымъ казнямъ.

„Народъ бухарскій“, выразился однажды посланный отъ кушъ-беги, „до такой степени испорченъ, что для того, чтобы управлять имъ, необходимо каждый день умерщвлять хотя по одному человѣку“.

Казни, дѣйствительно, сдѣлались часты; но народъ не исправляется, и даже позволяетъ себѣ неслыханныя вещи: такъ, на мѣстѣ, обагренномъ свѣжею кровью, смѣльчаки собираются и критикуютъ распоряженія эмира.

И, правду сказать, есть чѣмъ быть недовольнымъ. Не говоря уже о неспособности эмира къ дѣламъ государственнымъ, онъ крайне безпеченъ и равнодушно относится къ жизни своихъ подданныхъ. Такъ, во время нашего пребыванія въ Бухарѣ, было зарѣзано эмиромъ, въ одинъ день, одинадцать человѣкъ совершенно невинныхъ, и вотъ по какому случаю. Учительница въ женскомъ гаремѣ эмира отправилась было верхомъ на ослѣ, на богомолье въ Богоуеддинъ. На полупути она остановилась для отдыха въ одномъ домѣ, гдѣ была изнасилована и зарѣзана сарбазами (солдатами). Эмиръ велѣлъ тотчасъ же казнить всѣхъ жильцовъ дома, въ которомъ учительница отдыхала. Приказаніе повелителя было исполнено немедленно; но на другой день отыскались настоящіе виновники преступленія, въ числѣ четырехъ человѣкъ. Когда эмиру доложили объ этомъ, онъ возразилъ:

— Зачѣмъ же вы торопились исполненіемъ казни?

Изъ сказаннаго становится понятнымъ, почему народъ бухарскій долженъ желать перемѣны управленія. Ненавидитъ русскихъ только многочисленный классъ духовенства (муллъ), который, пользуясь значительными доходами (изъ вакуфныхъ земель), естественно желаетъ сохраненія стараго порядка.

Если Бухара тяготѣетъ къ Россіи въ нравственномъ отношеніи, то она еще болѣе тяготѣетъ къ ней въ экономическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Отправишь-

ся-ли по базарамъ—на каждомъ шагу увидишь русскіе товары; зайдешь-ли въ чай-хане, мѣсто кейфа мусульманина, опять замѣтишь русскіе самовары, чайники, подносы, чашки и проч.; завернешь-ли въ домъ къ правовѣрному—и тамъ найдешь множество необходимѣйшихъ предметовъ, вывозимыхъ изъ Россіи, какъ-то: посуду, сундуки, кумганы, замки, дверныя петли и проч. Мало-мальски достаточный мусульманинъ одѣтъ въ халатъ изъ русскаго ситца и обутъ въ сапоги изъ русской юфти. Земледѣлецъ пашетъ землю русскимъ желѣзомъ, а воинъ вооруженъ тульскимъ кремневымъ ружьемъ.

Зависимость Бухары, несмотря на всю ея отдаленность отъ Москвы и Нижняго-Новгорода, такъ велика, что бухарцы, кажется, ни одного года не просуществовали-бы безъ сношеній съ Россіею. Эта связь до того вкоренилась еще искони, Москва до такой степени приспособилась къ своей отдаленной сосѣдкѣ, что товары московскіе на бухарскихъ рынкахъ стоятъ гораздо дешевле, чѣмъ въ самой Москвѣ. Такъ сахаръ здѣсь продается по 8 рублей пудъ; стеариновыя свѣчи по 11 руб. пудъ; ситецъ отъ 4 до 9 руб. кусокъ въ 40 и 50 аршинъ длины. Этотъ фактъ объясняется, съ одной стороны, качествомъ товаровъ, а съ другой—свойствомъ торговли. Русскіе товары, предназначаемые для Бухары, приготовляются особымъ образомъ, причемъ фабрикантъ старается угодить вкусу и

потребностямъ азіятца. Такимъ образомъ, сахаръ отпускается, по большей части, неочищенный, и, притомъ, малыми головками, фунтовъ по пяти, во вниманіе страсти азіятцевъ дѣлать подарки; ситецъ приготовляется, по возможности, пестрый и съ яркими узорами; сундуки непремѣнно окрашиваются краскою, оковываются желѣзомъ и имѣютъ замки со звономъ. Затѣмъ торговля Бухары съ Россіею производится, большею частію, на размѣнъ. Бухарцы привозятъ на нижегородскую ярмарку свое сырье, хлопокъ, шелкъ, марену, цитварное сѣмя, ревень и проч. Здѣсь, обмѣнивъ все это на русскій товаръ, они везутъ его къ себѣ домой и норовятъ обратить въ деньги. Азіятскіе купцы не ищутъ большого процента, какъ русскіе: они довольствуются лишь самымъ необходимымъ, потому что не имѣютъ никакого представленія объ удобствахъ жизни, а тѣмъ болѣе о роскоши.

Англійскихъ товаровъ въ Бухарѣ, сравнительно съ русскими, немного. Они проникаютъ сюда изъ Кабула, будучи предназначаемы для мусульманскаго населенія Индіи. Къ англійскимъ товарамъ, привозимымъ въ Бухару, слѣдуетъ отнести:

1) *Кисѣю*, которая, своимъ качествомъ и дешевизною, превосходитъ русскую и потому совершенно вытѣсняетъ послѣднюю.

2) *Чаи* различныхъ сортовъ, привозимые изъ сѣверныхъ провинцій Индіи. Англичане воспользовались

прекращеніемъ вывоза зеленаго чая изъ Кашгара и пустили свои чаи.

3) *Коленкоръ*, который хотя нѣсколько и дороже русскаго, но значительно добротнѣе.

4) *Выбойку*, состоящую въ томъ, что на кисеѣ набиваются мелкіе кружочки въ родѣ цвѣтовъ. Тутъ англичане не угодили вкусу азіятцевъ и ихъ выбойка расходится плохо.

5) *Альвуанъ*—матерія въ родѣ русскаго кумача. Во время нашего пребыванія въ Бухарѣ, ея въ продажѣ не было.

6) *Парчи*, употребляемыя для парадныхъ халатовъ, для чалмъ, поясовъ, однимъ словомъ, какъ предметъ самой изысканной роскоши. Онѣ идутъ наравнѣ съ русскими и называются здѣсь *мультанскими*, потому что фабрикуются въ Мультанѣ для Индіи и Афганистана.

Такимъ образомъ, несмотря на все стараніе англичанъ проникнуть съ своими товарами въ Бухару и подавить русскую торговлю, несмотря на надежды Борнса видѣть англійскую торговлю преобладающею въ Бухарѣ, русскіе товары все-таки расходятся здѣсь въ несравненно большемъ количествѣ *).

*) Считаю не лишнимъ привести цѣны на разные предметы въ Бухарѣ, собранныя во время нашего пребыванія здѣсь. При этомъ необходимо замѣтить, что нормальный курсъ на нашу монету въ Бухарѣ слѣдующій: одна золотая тилля равняется 4-мъ русскимъ

Относительно земледѣлія Бухара находится въ совершенной зависимости отъ Самарканда, потому что Зарявшанъ, снабжающій водою поля, сады и огороды

асигнаціоннымъ рублямъ, а одна серебряная теньга русскому двугривенному; но такъ какъ въ настоящее время русскія асигнаціи въ Бухарѣ упали, то одна тилля стоитъ 5 русскихъ асигнаціонныхъ рублей, а на одинъ нашъ асигнаціонный рубль даютъ лишь 4 теньги.

1) Туземные товары.

Пшеница, батманъ (8 пудовъ), стоитъ 50 тенегъ, въ прошломъ году они стоила лишь 25 тенегъ, и эту цѣну вообще надо считать нормальною; мука стоила 52 теньги батманъ; рисъ по 56 тенегъ, ячмень по 28 тенегъ, и джугара отъ 28 — 30 тен. за бутманъ. Просо въ Бухарѣ не употребляется жителями: оно ростетъ въ дикомъ видѣ и идетъ на кормъ лошадей и рогатаго скота. Табаку въ Бухарѣ также не сѣютъ, а привозятъ изъ Катты-Кургана, Карши, Шахрисябса и Самарканда.

Хлопокъ въ коробочкахъ (неочищенный), стоитъ 60 тенегъ батм. (1 р. 50 к. за пудъ); хлопокъ очищенный отъ 18 до 26 тен. пудъ (3 р. 60 к. до 5 р. 20 к.); джекушка (родъ клевера) стоила $1^1/_2$ теньги за ишака (около 4-хъ пудовъ); марена 3 тилли за батманъ.

Виноградъ сухой (изюмъ) стоилъ 2 р. 80 к. пудъ; сырой—40 к. пудъ. Ирюкъ (абрикосы) за чарыкъ (5 фунтовъ) отъ 2 до 5 коп.; персики 20 к. пудъ.

Цѣны на скотъ были слѣдующія:

Лошади отъ 5 до 200 тиллей штука; эшаки (маленькіе ослы) отъ $1^1/_2$ до 15 тиллей; верблюды отъ 5 до 15 тиллей; коровы отъ 2 до 10 тиллей; быки отъ 4 до 10 тиллей; овцы отъ 15 до 70 тенегъ и, наконецъ, козы отъ 4 до 10 тенегъ штука.

Жизненные продукты стоили:

Говядина 1 фунтъ 5 коп.; баранина фунтъ 6 коп.; телятина не употребляется; гусь отъ 30 до 50 к. штука, курица 20 к., утка отъ 25 до 30 коп., яицъ сотня 85 коп.

Предметы фабричные стоили:

бухарскіе, верхнею половиною своего теченія проходитъ въ русскихъ владѣніяхъ. Весною, когда воды въ Зарявшанѣ немного, а потребность въ ней для орошенія полей, огромна, Зарявшанъ почти весь разбирается на арыки въ самаркандскомъ и въ катты-

---

Бумажныя нитки за чарыкъ (5 фунт.) отъ $4^3/_4$ до $5^1/_2$ тенегъ; высшій сортъ отъ 7 до 9 тенегъ; *бязь*, кусокъ въ 18 аршинъ длины, отъ 3 до 4 тенегъ; алача, кусокъ такихъ же размѣровъ, отъ 3 до 15 тенегъ; каляма отъ 3 до 7 тенегъ кусокъ; читъ (выбойка) отъ 17 до 20 тиллей сто кусковъ. Халатъ изъ туземной ткани отъ 8 до 30 тенегъ.

Коконы сырые отъ 16 до 20 рублей пудъ; шелкъ-сырецъ для внутренняго употребленія 150 рублей фунтъ, а для отпуска за границу отъ 195 до 225 рублей фунтъ.

Канаусъ отъ 9 до 14 рублей кусокъ; адрясъ отъ 5 до 9 рублей кусокъ; бенарясъ 8 рублей кусокъ; атласъ 14 рублей штука.

Шерсть: овечья 2 руб. 60 к., верблюжья 3 руб., козья 2 руб., козій пухъ 8 руб. за пудъ.

Армячина отъ 12 до 100 тенегъ кусокъ; кошма (войлокъ), длиною 5 и шириною 3 аршина, 25 тенегъ; ковры отъ 15 до 150 тенегъ штука; шали (кашемировыя) отъ 80 до 800 тен. штука.

Мѣха: мерлущатые, каракулька, отъ 95 до 100 тенегъ десятокъ; лучшіе отъ 110 до 140 тенегъ десятокъ; дарнадаръ сѣрый отъ 70 до 80 тенегъ десятокъ; лисица-караганка отъ $3^1/_4$ до 5 тенегъ штука; куница отъ 10 до 13 тенегъ штука; волкъ бурый $3^1/_2$ теньги штука.

2) *Русскіе товары.*

Сахаръ 40 тенегъ пудъ; чай 14 тиллей пудъ; стеариновыя свѣчи 55 тенегъ пудъ.

Мѣдь красная въ листахъ 23 тилли батманъ; латунь отъ 80 до 85 тенегъ пудъ; желѣзо 200 тенегъ 16 пудовъ ($12^1/_2$ тенегъ пудъ); чугунные котлы 12 тиллей, верблюдъ (подымающій отъ 4 большихъ до 40 малыхъ котловъ).

Олово 55 тенегъ пудъ.

курганскомъ отдѣлахъ. Бухарѣ же воды достается лишь по просьбѣ тамошняго правительства, когда наши власти приказываютъ жителямъ Зарявшанскаго Округа закрывать нарочно свои арыки, чтобы дать водѣ ходъ въ бухарскіе предѣлы. Такимъ образомъ, снабженіе Бухары хлѣбомъ зависитъ отъ доброй воли русскаго правительства. Въ нынѣшнемъ году, когда воды въ

Ситецъ, штука отъ 40 до 59 аршинъ длины, отъ 29 до 45 тенегъ; коленкоръ, штука въ 66 аршинъ длины, 35 тенегъ; сукно, кусокъ въ 20 аршинъ длины и $1\frac{1}{2}$ аршина ширины, отъ 5 до $5\frac{1}{4}$ тиллей; юфть черная отъ 230 до 250 тенегъ десятокъ; красная отъ 250 до 270 тенегъ.

Тикъ фабрики Богомазова, кусокъ въ 40 аршинъ длины, отъ 57 до 60 тенегъ; калябатунъ (для разшивки каляпушей), пачка, въ 60 золотниковъ вѣсомъ, отъ 100 до 114 тенегъ.

Пряжа № 38 и 40-й отъ 30 до 34 тенегъ.

Нашатырь 7 тиллей батманъ; канцелярное сѣмя отъ $8\frac{1}{2}$ до 12 тиллей пудъ.

Сандалъ тертый $7\frac{1}{2}$ тиллей батманъ; квасцы 7 тиллей батманъ; купоросъ синій отъ 30 до 35 тенегъ пудъ; стекло листовое 3 тилли пудъ.

3) Англійскіе товары.

Кисея, штука въ 24 аршина длины и $1\frac{1}{2}$ аршина ширины, отъ 15 до 17 тенегъ; 20 штукъ 13 тиллей; агабану, пестрая кисея, замѣняющая выбойку, 20 штукъ 8 тиллей; коленкоръ 1-й сортъ, штука въ 50 аршинъ длины и 2 аршина ширины, 2 тилли; 2-й сортъ $1\frac{1}{2}$ тилли, 3-й сортъ 1 тилля 7 тенегъ.

Альвуакъ желтый, 20 штукъ 34 тилли; красный, тоже 20 штукъ, 40 тиллей.

Чаи: лонка, мѣсто въ 4 пуда 55 тилли, гора 40 тиллей; кыркма 30 тиллей; акъ-башъ (полѣнный) 25 тиллей.

Индиго отъ 4 до $4\frac{1}{2}$ тиллей пудъ.

Сахарный песокъ 16 тиллей батманъ.

Перецъ 24 тилли батманъ.

Зарявшанѣ, вслѣдствіе безснѣжной и бездождной зимы, было мало даже и для Зарявшанскаго округа, Бухара испытала страшный неурожай. Нельзя было видѣть безъ грусти цвѣтущія поля, пашни и сады, совершенно лишенными воды. Надо замѣтить, что, чѣмъ ближе къ Бухарѣ, тѣмъ Міанкальская долина становится болѣе и болѣе воздѣланною. Порядокъ, въ которомъ содержатся пашни и сады, по-истинѣ заслуживаетъ удивленія: нѣтъ ни одной пяди земли безплодной— все сплошь засѣяно, отлично размежевано и образцово снабжено арыками. Но увы! именно арыки-то и были пусты, почему цвѣтущая долина была похожа на красавицу, въ жилахъ которой изсякла кровь и она еле-еле поддерживаетъ свое существованіе.

Отъ таянія снѣговъ на горахъ, дающихъ начало Зарявшану, вода въ рѣкѣ начинаетъ подниматься только въ іюнѣ. Съ этого времени ея уже достаточно и для Бухары; въ іюлѣ и августѣ въ Зарявшанѣ стоитъ самая высокая вода, которая доходитъ даже до озера Каракуль, лежащаго верстахъ въ 80 отъ Бухары. Затѣмъ вода начинаетъ убывать.

Изъ земледѣльческихъ продуктовъ богатство и гордость Бухары составляетъ хлопокъ. Бухарскій хлопокъ, безспорно, лучше коканскаго и ташкентскаго, и предпочитается хивинскому по нѣжности и бѣлизнѣ своего волокна, хотя и уступаетъ послѣднему въ длинѣ волокна. Количество воздѣлываемаго хлопка въ

Бухарѣ возрастаетъ годъ отъ году, по мѣрѣ увеличенія вывоза его въ Россію.

Другая статья богатства Бухары — шелкъ. Хотя этотъ предметъ еще не получилъ такого широкаго развитія, какъ хлопокъ, но въ скоромъ времени и ему предстоитъ не менѣе блестящая будущность.

Относительно мануфактурной производительности Бухары слѣдуетъ сказать, что она находится въ первобытномъ состояніи, хотя и нѣсколько лучшемъ, чѣмъ въ сосѣднихъ независимыхъ ханствахъ. Промышленность бухарская не могла развиваться вслѣдствіе недостатка техническихъ знаній, которыя заторможены закономъ, считающимъ всякое знаніе „внѣ корана“ грѣховнымъ. Вотъ почему Бухара, равно какъ Хива и Коканъ, издавна, въ промышленномъ отношеніи, зависѣли отъ Россіи.

Русское вліяніе въ Бухарѣ сказывается и на войскахъ.

Въ Бухарѣ до 10 тысячъ пѣшаго войска (сарбазовъ) и до тысячи артилеристовъ (топчи). Кромѣ того въ Гиссарѣ оставлено эмиромъ 300 человѣкъ конныхъ и 3,000 пѣшихъ. Войска набираются частію вербовкою, частію силою, причемъ не обращается вниманія ни на ростъ, ни на здоровье. О медицинской части въ войскахъ, разумѣется, нѣтъ и помину. Жалованье отпускается простымъ солдатамъ по одной тиллѣ въ мѣсяцъ.

Пѣхота дѣлится на сотни, подъ командою сотенныхъ начальниковъ (юзъ-баши). Десять сотенъ подчиняются одному тысяченачальнику.

Вооруженіе пѣхоты весьма неудовлетворительно. Изъ 10,000 сарбазовъ едвали наберется 2,000, которые имѣютъ кремневыя ружья на подставахъ. Ударныя ружья имѣются лишь у начальниковъ. Солдаты не только стрѣлять, но даже ходить въ ногу не умѣютъ. Всѣ команды произносятся по-русски. Строй и движенія—пародія на русскій уставъ.

Сигналы также перековерканы съ русскихъ. Одежда рядовыхъ состоитъ изъ красной куртки, съ чернымъ стоячимъ воротникомъ, изъ кожаныхъ шароваръ, сапогъ и мерлушковой шапки. Артилеристы одѣты въ синій кафтанъ съ краснымъ стоячимъ воротникомъ. Артилеристы почти всѣ состоятъ изъ плѣнныхъ иранцевъ.

Въ Бухарѣ до 200 орудій; но такихъ, которыя могли бы быть выставленными въ поле, едва ли наберется десятка два.

Всѣ войска въ Бухарѣ подчиняются начальнику артилеріи, который имѣетъ самый крупный чинъ. Комплектованіе арміи офицерами производится по протекціи высшихъ сановниковъ, пристраивающихъ своихъ питомцевъ изъ мужскаго гарема.

Бухарское войско обучается русскими бѣглыми солдатами, которые, вмѣстѣ съ торговцами, и заносятъ въ Бухару искорки русской цивилизаціи.

Русскихъ бѣглецовъ здѣсь довольно много. Ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) мало-мальски цивилизованныхъ, т. е. политическихъ преступниковъ, прикащиковъ, обокравшихъ своихъ хозяевъ, людей совершившихъ большой подлогъ и пр. и 2) людей простыхъ: солдатъ, мелкихъ воришекъ и обыкновенныхъ каторжниковъ. Замѣчательно, что въ Бухарѣ лучше живется людямъ второй категоріи: они обучаютъ войска и вносятъ въ жизнь, такъ-сказать, европейскія понятія. Большинство бѣглыхъ этой категоріи суть татары, которые, и по географическому положенію своей родины, и по развитію, служатъ какъ бы связью Москвы и европейской Россіи съ среднеазіятскими ханствами. Понятно, что житье для нихъ въ Бухарѣ привольное: будучи мусульманами, они чувствуютъ себя здѣсь какъ дома, и въ то же самое время пользуются вліяніемъ, какъ пришлецы изъ странъ болѣе цивилизованныхъ.

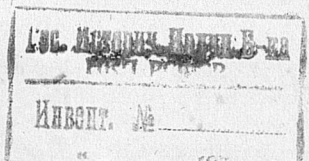
Русскому солдатику труднѣе свыкнуться съ совершенно иною обстановкою. Но тяжесть отчужденія отъ родины вознаграждается у нихъ тѣмъ общественнымъ положеніемъ, которое они здѣсь пріобрѣтаютъ: они дѣлаются большими начальниками, совѣтниками эмира, и вообще играютъ немаловажную роль. Вполнѣ сознавая свое достоинство и значеніе, они не даютъ спуска бухарцамъ и позволяютъ себѣ, особенно подъ хмѣлькомъ, продѣлывать съ эмиромъ и его министрами

такія продѣлки, о которыхъ ни одинъ мусульманинъ и помыслить не посмѣетъ.

Въ высшей степени плачевна участь бѣглыхъ первой категоріи. По пословицѣ: „отъ одного берега отсталъ, а къ другому не пристaлъ“, они несутъ самое тяжелое испытаніе. Бухарское правительство боится ихъ, подозрѣвая въ козняхъ, и третируетъ ихъ, какъ шпіоновъ, которые не могутъ желать добра Бухарѣ. Положеніе этихъ личностей до того невыносимо, что они день и ночь мечтаютъ о возвращеніи въ Россію. По выраженію одной изъ такихъ личностей, „лучше въ Россіи быть послѣднимъ солдатомъ, чѣмъ въ Бухарѣ эмиромъ“.

Чѣмъ выше по образованію личность, желающая играть роль въ Бухарѣ, тѣмъ участь ея плачевнѣе. Стоддартъ и Конноли были обезглавлены, какъ англійскіе шпіоны; въ 1868 году подосланный изъ Индіи еврей Бекенсонъ спасся отъ грозившей бѣды только тѣмъ, что назвался русскимъ подданнымъ, почему и былъ препровожденъ въ Ташкентъ.

Кромѣ бѣглыхъ, въ Бухарѣ есть еще русскіе плѣнные; но ихъ теперь не много—человѣка два, три. Прежде ихъ было гораздо больше. Въ 1869 году эмиръ отправилъ ихъ въ Чарджуй, гдѣ, отъ болотнаго климата и отъ дурныхъ помѣщеній, они всѣ умерли.

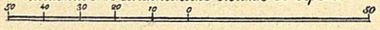
СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
I.	Отъ Ташкента до Самарканда	5
II.	Самаркандъ.	19
III.	Отъ Самарканда до Бухары.	34
IV.	Пребываніе въ Бухарѣ.	55
V.	Городъ Бухара	82

МАРШРУТЪ

отъ ТАШКЕНТА до БУХАРЫ

Масштабъ въ Англійскомъ дюймѣ 50 верстъ.

Картографическое Заведеніе А. Ильина по Бол. Мад. ул. д. № 11